

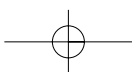
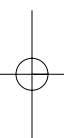
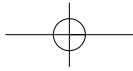
Номер создан при посредничестве
интернет-ресурса Стетоскоп.Да.Ру
(<http://stetoskop.da.ru>)
и выходит в свет одновременно
в Париже и Санкт-Петербурге

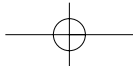
СТЕТО СКОП

«чужая жизнь-2»

33/34

За созидание
прямой и косвенной речи!

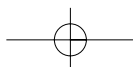
За созидание прямой и косвенной речи!

СТЕТОСКОП

«чужая жизнь-2»

33/34

издатели: Митрич+Богатырь
париж 2002

Содержание

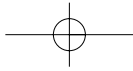
Антон Козлов. Энтропия	3
Андрей Лебедев. Автобиография (1962-1970)	17
Лариса Кобринская. Лоскутки 5	22
Камиль Чалаев. Пересечение судеб	24
Иван Котельников. Егор Гроза и другие ...	26
Митрич. В кругу друзей	31
Тамара Ветрова. Коллекция опечаток	35
Творчество наших читателей. Чистый лист	45
Александр Елеуков. Цветоименование	46
Содержание журнала «Стетоскоп» за 1993-2002 годы	50
Авторы журнала «Стетоскоп»	58

При оформлении журнала использованы
графемы Александра Елеукова
и рисунки Александра Пушкина

«Чужая жизнь»

СТЕТОСКОП 33/34-2002

Реестр основных свобод и прав рано или поздно должен быть дополнен свободой автобиографии, укладываемой в тот же ряд, что и «свобода слова» или, например, свобода печати.

А. Секацкий
«Подмена воспоминаний»
(«Ступени» №2, 1994)

АНТОН КОЗЛОВ

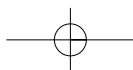
Я И Ш О Р Т Н Э

Вместо предисловия

Данная работа — попытка исследования полиморфии сознания, сочетающего единственность имени и множественность биографий. В некотором смысле речь идет о биографии имени сразу в нескольких географических, исторических и литературных реальностях. В процессе развертывания истории нашего героя становится очевидной иллюзорность каких-либо утверждений об уникальности сознания, ибо идентификация сознания во многом осуществляется через имя, а имя оказывается продуктом серийного производства. Возможна только уникальная биография, которая, как правило, фиксируется сознанием, в свою очередь лишенным абсолютной уникальности.

С другой стороны, отсутствие стабильной уникальной идентификации определяет именно то состояние, о котором в свое время писал Ж.-П. Сартр, указывая на подобное отсутствие как на первый признак свободы. Именно это отсутствие (стабильной идентификации) позволяет нашему герою избежать узко ограниченных рамок профессионально-временной среды и выйти в царство той свободы, в котором он мог быть одновременно офицером контрразведки, фокусником, романистом, поэтом, кандидатом наук и сотрудником кафедры дорожного строительства, чтобы в итоге рассыпаться на составные топонимики и раствориться в потоке других имен.

Итак, перед вами история современного героя, который мало чем отличается как от читателя, так и от автора этих строк.

Глава 1

История нашего героя начинается в 19... году в городе Н-ске. Все, кто когда-либо встречал Козлова, вспоминали потом, что характер его с самого рождения был многоплановый... Первые воспоминания о детстве героя относятся к более позднему возрасту. В дневнике А. Козлова за 1956 год мы находим следующие воспоминания:

«...Я просыпаюсь в полдень. За окном дует бесконечный зимний ветер, солнечно. Я лежу в постели и смотрю в окно. Иногда я закрываю глаза и постепенно начинаю соскальживать в темную область дремоты, потом опять открываю глаза. Когда я смыкаю веки, ко мне возвращается чувство, которое я помню с возраста трех лет. Я просыпался от яркого света за окном. Еще стояла зима, но в воздухе уже чувствовалось море, и влажный воздух предполагал скорые климатические изменения. Чувство, что вот-вот что-то должно случиться. Три первых года своей жизни я провел в беспмятстве. Мой мозг был слишком мягким, чтобы хранить воспоминания, и я ничего не помнил.

В столовой уже был накрыт ужин. Я увидел за столом молодую миловидную женщину лет двадцати пяти-семи и мальчика лет восьми. Я сразу обратил на него внимание — у него была непропорционально большая голова и старые, не по-детски злые черты лица. Я поздоровался и спросил, не видели ли они Валентину Николаевну.

— Она вернется после ужина, — ответила женщина.

Я сел за стол, держа дистанцию в два прибора. Из кухни выглянула узбекская повариха. Мне тут же принесли тарелку мясного супа. В оранжевой жидкости плавали пятна жира и куски баранины.

Я заметил, что женщина меня разглядывает.

Я попытался улыбнуться в ответ.

— За что же вас так побили? — спросила женщина. Мы начали разговаривать. Мою собеседницу звали Маша, а ее сына — Антон. Мужчина, которого я слышал вчера в холле, был Машин муж Сангак, который вчера же и уехал в Бухару, так как должен был сегодня быть в Москве. Бухара была отсюда в семи часах езды.

Утром следующего дня мы встретились в столовой опять. Маша уговаривала Антона поесть манной каши, которую специально для

него сварила Валентина Николаевна. Мальчик со старым злым лицом угрюмо молчал...»

Время шло...

Переходя к рассказу о спорткомплексе, мне хочется предупредить вас, что материал о конструкциях может показаться сложным... Я спросил побывавшего у нас в гостях семилетнего Антона Козлова, какой снаряд ему понравился больше всего и почему. Ответ был: «Лесенка, потому что с нее можно попасть на большинство снарядов!»

В газете «Районные вести», за 22 мая 1999 г. мы находим следующее сообщение о нашем герое:

«В конкурсе сочинений школьников «Моя семья» Железнодорожного района победили Александр Мениших (школа № 11), Евгения Бурхетьева (школа № 40), Анна Кошелева, и Антон Козлов (школа № 42).»

Возраст в данном случае не указан. Однако достоверно известно, что когда Антон учился в восьмом классе, в его жизни произошло следующее событие:

«В Кологриве Костромской области, сообщает Агентство экзотических новостей, бдительная общественность разоблачила африканца, выдававшего себя за поэта Бродского. Раскрыл обман староста литературного кружка одной из местных школ восьмиклассник Антон Козлов.»

Приблизительно к этому времени относится начало умножения личностей Антона Козлова в пространстве и во времени. Так наш герой появляется сразу в трех школах Свердловской области (одна — в пос. Лесное и две — в Нижнем Тагиле) учеником одиннадцатого класса и принимает участие в Соросовской Олимпиаде:

«Дирекция программы «Соросовские олимпиады школьников» проводит VI Олимпиаду школьников по математике, физике, биологии и химии. С 13 по 16 марта в 1323 школах был проведен очный тур Олимпиады, в котором приняли участие 157 000 школьников из 751 города 88 регионов России и других стран. После проверки тетрадей с решениями задач дирекция Соросовской олимпиады разослала во все школы, в которых проходил очный тур, сведения о баллах, полученных школьниками за каждую из предложенных задач. Ниже приведены результаты участников очного тура, набравших от одного и более баллов.

стетоскоп 33/34-2002

«Чужая жизнь»

Свердловская область

Козлов Антон Х. 11 ЛЕСНОЙ

Козлов Антон М. 11 НИЖНИЙ ТАГИЛ

Козлов Антон Х. 11 НИЖНИЙ ТАГИЛ.»

Одновременно с этим, мы находим нашего героя в пос. Березники Пермской области, в качестве участника областного этапа Всероссийской олимпиады по экологии 1998-99 года. В Березниках Козлов Антон учится в 11 классе средней школы № 2.

Интересно, что сам Антон Козлов таким образом оценивает свое школьные годы:

«Я, Козлов Антон, рожденный *** января 198*** года, был вполне здоровым ребенком. Все это продолжалось до того, как мне купили компьютер... С тех пор я свихнулся полностью: 6 раз мне ставили диагноз «Параноидальная шизофрения». Меня пытались посадить в психушку, 7 раз я убежал оттуда...»

Глава 2

Через некоторое время мы находим Антона в Томске... К тому времени Антон поступает в высшее учебное заведение:

«Я Козлов Антон, он же Мегавольт, учащийся, студент третьего курса Томского Университета Систем Управления и Радиоэлектроники (или просто ТУСУР) факультета Систем Управления специальности «Автоматизированные Системы Обработки Информации и Управления», знаю и умею я очень мало, сами судите:

1. операционные системы, такие как Windows, Windows NT, DOS, Unix (FreeBSD, Linux), Netware;

2. языки программирования, такие как Pascal, C, C++, C under Unix, Unix shells, Dos shell, C++ Builder, Java и другие;

3. web и средства работы с ним, как то HTML, Perl, CGI интерфейс, Javascript, разного рода графические среды типа Photoshop, CorelDraw и другие;

4. а ещё я умею готовить и пить пиво :)

В настоящее время работаю на полставки администратором в компьютерном классе на нашей кафедре. Ну, думаю, вот и всё (или почти всё), что я могу о себе рассказать...»

По другим сообщениям, Антон Козлов поступил на педиатрический факультет Ярославской Государственной Медицинской Академии, а в дальнейшем открыл кафе «Россия» по адресу г. Ярославль, Ленинский район, ул. Чкалова, 23. Доехать до «России» можно на 44-м автобусе и 1-м трамвае.

Очевидно, что такая перемена жизненных настроений была следствием глубоких внутренних переживаний. В дневнике Антона Козлова за 1974 год мы находим следующую запись:

«Берег широкой реки существует для того, чтобы с него оскорблять людей на противоположном берегу. Месяц был апрель — месяц моего рождения. Первое апреля. В воздухе уже чувствовалось приближение большого тепла, хотя ветер, дувший с моря, еще пронизывал до костей через четверть часа после выхода на улицу. Как только тело привыкало к температуре одежды, одежда переставала греть, и нужно было идти в помещение. Настроение у меня было паршивое, я был полон чувством пренебрежения к жизни и к людям, которые толпились на набережной. Все они казались мне глупыми паразитами, праздной толпой зевак, с которыми ничего общего, кроме анатомии, я не имел. Впрочем, я даже не думал об этом, это было скорее каким-то чувством, ощущением, которое появлялось каждый раз, когда я близко сталкивался с людьми. Люди непременно меня раздражали, вызывали неприязнь. Подобное чувство я испытывал последний год практически все время. Скорее всего, это было вызвано постоянным безденежьем и невозможностью реализовать хоть малую толику тех планов и проектов, которые у меня имелись в избытке. Я был угнетен еще и тем, что не только у меня ничего не получалось, но и все мои друзья занимались каким-то вздором. Я начинал терять чувство реальности. Я ненавидел всех подряд, я знал, что это неправильно, но ничего поделать с этим чувством не мог. Порой чувство злости сменялось апатией, когда ничего не хотелось, и я просто ложился спать, а если спать не хотелось, то ходил гулять, или сидел на стуле и смотрел в окно. Иногда злость сменялась ощущением комизма всего происходящего

Общему вектору эмансипации, дистанцирования от всех лимитирующих факторов, от законодательства природы вполне соответствует и право выбора подходящих воспоминаний или, лучше, свободного синтеза воспоминаний.

А. Секацкий «Подмена воспоминаний» («Ступени» № 2, 1994)

и прежде всего собственной нелепости. Так я провел скучный день в скучном городе, на берегу скучной реки. Я сам был, наверное, скучен, и оттого жизнь казалось мне скучной телевизионной программой. Мне хотелось чего-то другого, но чего — я толком не мог бы тогда сказать...»

Глава 3

Очевидно, что сложные душевные переживания и ярко выраженная мизантропия складывались на протяжении долгого времени, однако привели к тому, что Козлов начинает усиленно увлекаться спортом: футболом, бадминтоном, теннисом, спортивными танцами, игрой в городки:

Бадминтон

«...В марте прошел чемпионат Петербурга по бадминтону среди вузов «Золотые ракетки». Команда нашего университета заняла первое место, в очередной раз подтвердив свое звание лучшей в городе. Все члены команды проявили мастерство, волю к победе, каждый внес свою лепту в победу. Это уже ставшие известными бадминтонисты: Константин Сарапульцев, Кирилл Михлин, Антон Козлов, Александра Федорова, Марина Филимонова, Татьяна Соколова. Впереди у команды — международный студенческий турнир, который состоится в Австрии.»

Настольный теннис

«...Спустя несколько лет сборная ЖАТа вернула себе звание чемпионов Московской области среди средних специальных учебных заведений. Наша команда, которую готовили тренеры Юрий Смирнов и Алексей Рогожин, оставила позади соперников из 14 городов. Главный приз ЖАТу принесли Антон Козлов, Алексей Кузьмичев, Александр Артемьев и Марина Фролова. Последняя заняла 4-е место в личном зачете, а ставшему вторым призером Антону Козлову не хватило до чемпионства совсем чуть-чуть. Правда, нельзя не отметить, что наш теннисист потерпел свое единственное поражение от абсолютного чемпиона Московской области Валерия Акулина.»

Козлов также оказывается игроком футбольной команды «ТОРПЕДО-ВИКТОРИЯ» (Н. Новгород), и участвует в сборах в Азове.

Одновременно с занятиями спортом Антон переживает гормональный рост.

«Чем больше Антон узнавал Регину, тем больше она его поражала. В его глазах она являла настоящую тургеневскую женщину, представителя мира, более не существующего. Таких женщин Антон никогда не встречал. Чем больше Антон ее узнавал, тем больше она его восхищала. В ней не было ни единого намека на вульгарность. Находясь с нею рядом, Антона не покидало чувство возвышенности. Это, очевидно, и была любовь, и только теперь Антон понял всю необычность своего положения. Он бывал влюблен в жизни, но никогда — так. Что же ему было делать? Большую часть времени Антон находился в состоянии блаженства. Сознание того, что он влюблен, было радостным, беззаботным и чистым, как будто ему снова было семнадцать лет. Его чувствительность невероятно обострилась. Вечерами он бродил по берегу Волги, смотрел на воду,

на тени, на лодки и баркасы, качающиеся в вечернем свете, редкие пары, гуляющие в эффе́кте контражура; Антон щурил глаза, видел солнце и был счастлив. Иногда блаженство сменялось чувством тоски, осознанием полной безнадежности вообще всего. Человек в любви становится тем, кем он является идеально. И Антону становилось страшно, что он не ста-

якова представляли клуб Танц-Класс. Они заняли 26 место из 33 участников... А в ноябре того же года Козлов и Третьякова принимают участие в соревнованиях «Балтийский кубок-2000» и снова занимают 26 место.

Мы также находим Антона Козлова на чемпионате Поволжья по карате, проходившем в Казани в июне 2000 года. Козлов пред-

стетоскоп 33/34-2002

«Чужая жизнь»

нет тем, кем всю жизнь себя считал, что его самоидентификация не удастся, и что он так и останется навсегда утробным Никем, постепенно все больше и больше сползая в небытие...»

И обратно к спорту.

Городки

«О питерском городошном спорте мы разговариваем с президентом Федерации городошного спорта России Евгением Артамоновым.

— Евгений Михайлович, какие события в организационном плане произошли в этом году в питерском городошном спорте?

— Я думаю, период упадка позади. Мы разработали трехлетнюю программу развития городошного спорта в Петербурге, в которой предусмотрены увеличение городских соревнований, участие в международных турнирах, сооружение городошных площадок, подготовка тренерских кадров, рекламная деятельность, усиление внимания к юношескому спорту. Есть договоренность о создании в Московском парке Победы центра городошного спорта с открытыми и закрытыми площадками. Будут восстановлены городошные площадки в Петропавловской крепости. Недавно состоялся турнир на призы Горспорткомитета. Их оспаривали в личных соревнованиях 36 мастеров, 12 подростков и 6 юношей. Победил Андрей Громов («Кировец») — 125 бит на 90 фигур. С таким же результатом второе место занял Андрей Старовойтов («Спартак»). На третьем месте — Алексей Федоткин («Арсенал»). В юношеском турнире первым был Вадим Медведев («Витязь»), в турнире подростков — Антон Козлов («Искра»).»

Спортивные танцы

В апреле Антон Козлов выступил на конкурсе спортивных танцев на Кубок Тихонова, проходившем в Петербурге. Козлов выступал в паре с Ольгой Третьяковой. Козлов и Треть-

якова представляли клуб Танц-Класс. Они заняли 26 место из 33 участников... А в ноябре того же года Козлов и Третьякова принимают участие в соревнованиях «Балтийский кубок-2000» и снова занимают 26 место.

Информация о личной жизни нашего героя носит крайне обрывочный характер...

«Палило яркое солнце и автобус где-то застрял. Козлов стоял и ждал, а потом ждать ему надоело и он пошел. Он шел вдоль дороги и думал, что пройтись тоже хорошо. Когда он жил в Риге, он обходил пешком весь город и его окрестности. Козлов выходил под вечер и бродил по улицам и закоулкам, уходя каждый раз все дальше и дальше. Рига восхищала его. Ничего более фундаментального в свои шестнадцать лет он не видел. Ранними зимними вечерами он выходил на улицу и шел куда глаза глядят. Заснеженная Рига, серое небо, черные деревья, вороны... С тех пор Козлов любил ходить.»

Что-то не ладилось в жизни спортсмена Козлова. Но что? Наметился какой-то душевный надлом. Почувствовалась безысходность... Мы обнаруживаем авторство Козлова в следующем документе:

«Правила подачи винно-водочных изделий в зависимости от меню.

Автор печатного текста Антон Козлов

Винно-водочные изделия подбирают по сочетанию вкусовых качеств к закускам и блюдам. Сначала ставят закуски, а затем предлагают и ставят на стол вино.

По правилам: сначала наливают глоток вина хозяину, а затем разливают, начиная со старшего по возрасту, или с женщин, а затем доливают рюмку хозяина, затем всем остальным. Вино наливают на 2/3 рюмки.

Холодные закуски

К острым закускам, рыбным, солёным предлагают все виды водок, горьких настоек.

По желанию гостя к мясным холодным закускам, салатам, можно рекомендовать крепкие вина (мадера, херес). К мясным холодным

закускам типа мясное ассорти можно вынести сухое красное виноградное вино.

NB! Температура подачи водки и горьких настоек должна быть 8-10 градусов.

Горячие закуски

К горячим закускам (из рыбы) предлагают белое полусухое вино.

К горячим закускам (из птицы и дичи) предлагают шампанское».

Одновременно появляется и ряд других статей, отражающих во многом душевное состояние нашего героя: «Текила: напиток нового поколения»; «Возвращение армянских коньяков»; «Барная стойка»; «Великое вино»; «Двойная жизнь кагора»; «Мера объёма при

что «создана крайне отрицательная ситуация вокруг имен ее детей». Брату Супрунюка, Сергею Кущенко, предъявлено обвинение в совершении умышленного убийства жителя Симферополя Антона Козлова. Последний, по указанию Супрунюка в 1995 году участвовал в нападении на экс-спикера ВС Крыма Сергея Цекова. После задержания одного из участников нападения Александра Довбни, Антон Козлов стал шантажировать Супрунюка, требуя от него поначалу 2 тысячи долларов, а после еще 5 тысяч. За этот шантаж его и убил Сергей Кущенко».

Нам не известно поймал ли Интерпол убийцу Козлова, и, собственно, сам факт убийства вызывает сомнение.

стетоскоп 33/34-2002

«чужая жизнь»

смешивании напитков»; «Характеристика профессиональных ножей»; «Холодный шок (технология шокового охлаждения/замораживания)»...

Об обратном свидетельствует такое сообщение:

«Антон Козлов без работы не останется. Биржа РТС переманивает кадры из Инобанка»

Как стало известно «Сегодня», в ближайшее время бывший первый зампред Инобанка Антон Козлов займет пост заместителя председателя совета директоров фондовой биржи РТС. Как сообщил «Сегодня» источник в фондовом сообществе, Пономарев всегда поддерживал с Козловым дружеские отношения и понимал, что долго Козлов в банке «Русский стандарт» просто не высидит. Поэтому Пономарев, уже давно собирающийся уйти из РТС и заняться интернет-технологиями, предложил Козлову «мягкое» вхождение в РТС — сначала членом совета, а потом и его председателем. Но вышло так, что Козлов ушел из «Русского стандарта» даже раньше, чем сам планировал: по словам Козлова, ему в банке стало скучно. Теперь же, по словам источника, он будет ждать, когда Пономарев завершит все свои дела на фондовом рынке и перейдет в мир высоких технологий. Пономарев же никогда с ФКЦБ не конфликтовал, поэтому сейчас его задача состоит в том, чтобы обеспечить «примирение» Козлова и нового главы ФКЦБ Игоря Костикова».

Глава 4

«Симферополь (соб. корр. В. Баранов). К 15 годам лишения свободы приговорён военным судом бывший старший сотрудник охраны Евгений Супрунюк, младший лейтенант милиции Сергей Кущенко, сообщили 31 марта местные правозащитники. Суд установил, что в октябре 1995 года тогдашний председатель Верховного совета Крыма Евгений Супрунюк попросил своего знакомого Антона Козлова избить бывшего председателя крымского парламента Сергея Цекова. Козлов выполнил просьбу, после чего стал шантажировать Супрунюка и требовать денег. Поэтому Супрунюк приказал Сергею Кущенко уничтожить Козлова. Милиционер убил Козлова, отрезав ему голову и кисти рук. Сейчас Интерпол разыскивает Евгения Супрунюка.

В минувшую субботу самым неожиданным образом напомнил о себе скрывающийся от правоохранителей бывший спикер ВС Крыма Евгений Супрунюк. Газета «Крымская правда» опубликовала фрагмент «открытого письма» Супрунюка своей матери, которое он записал на аудиокассету и переслал в редакцию — и, как говорят, не в одну. Переписку с матерью через газету бывший полковник МВД решил вести, по его словам, из-за того,

Однако реальность, скрывавшаяся за сообщением «Сегодня», как всегда бывает в таких случаях, была гораздо более сложной. Как потом вспоминали люди близко знавшие Козлова, он многое им не договаривал...

стр.

9

«...Инопланетяне меня и изнасиловали... Пришельцы с Сириуса... Пьяные они были, они вообще пили много, алкоголики они были. Жили мы с отцом, мать умерла еще в 1979 году. У меня родился ребенок. С хвостом. Наш отец хотел убить его, а Сангак отца застрелил... чтобы Антона спасти. Он ведь один из них... Нам помог тёткин брат, заместитель начальника управления городского МВД... Он сказал — поезжайте за границу... Туда, куда пока виз не нужно... Мы поехали сюда... Купили дом... Так и живем пятый год, только фамилию поменяли... Сангак над Антоном разные эксперименты ставит...

Маша смотрела в окно, Я смотрел на Машу... Над крышами Ташкента дул

всего услышанного я понял вдруг, что не могу любить Машу, что это выше моих сил... Она — на другой стороне, и мне туда дороги нет. Я должен оставить ее, у нее другая судьба, не имеющая к моей отношения. Я должен уехать, иначе меня здесь убьют. Мне стало страшно, меня охватило паническое чувство полной незащищенности. Весь мир был во власти чуждых, враждебных мне сил, которые могли меня смести в мгновение, и просто пока еще чудом пронесло. Это было ощущение стихийного бедствия, исторической катастрофы. Ужас полной беспомощности и ничтожества перед стихиями вызвали чувство тошноты. Я встал с кровати и подошел к окну, открыл дверь на балкон. Душная августовская ночь. Над Ташкентом сияла луна...»

теплый ветер... Белые облака медленно ползли по синему небу. В окно ресторана я видел освещенную трамвайную остановку и на ней людей. По улице прошла группа узбеков.

Мне стало страшно... Мой ангел Маша в реальности живет в грехе против природы с шестнадцати лет... Но я любил Машу. Я хотел ее спасти. Так мне казалось — я должен спасти Машу, вырвать ее из этого ада...

Я взял ее за руку.

— Поедем со мной в Москву, — сказал я. — Поедем в Москву, там тебя никто не найдёт... Возьмём Антона... Его ведь наверняка можно оперировать...

Маша закачала головой.

— Его нельзя оперировать, он умрет...

— Все равно поедем, он будет жить с нами... Ты ведь не любишь... этого...

— Я его ненавижу... ненавижу...

— А кто-нибудь еще об этом знает?

Маша закачала головой, а потом вдруг заплакала.

...Я повел ее в номер. Маша плакала. Я включил телевизор, чтобы в соседних комнатах не слышали машинных рыданий, налил ей водки, но она отказалась, она сказала, что ей пора идти. Ее ждал Сангак... Мы договорились встретиться завтра...

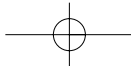
В проводах гудел ветер. Я никогда не чувствовал такой пустоты... После

Глава 5

«Козлов дошел до автобусной остановки, взял билет до аэропорта. Автобус был почти пуст, день был яркий, пыльный и душный, обычный день восемнадцатого века, день без конца, и без начала... Автобус ехал медленно, часто останавливался, в салоне пахло бензином, а потом он остановился и шофер объявил что всё, баста, автобус сломался. Козлов вышел на улицу и понял, что находится в двух шагах от Машиного дома. Было жарко, всюду было много белого света и пыли. Только усилием воли он заставил себя не идти туда, а остановил машину и машина шла к казахской границе, в Чимкент, а Козлову уже было все равно куда ехать. Но, видно, судьба была его такая, что шофер поехал мимо машиного дома, и Козлов увидел, как Маша выходит из ворот, с большой хозяйственной сумкой на плече — она шла на свидание с ним, а он ее бросил и бежал...

На попутных Козлов доехал до Алматы... В Алма-Ате он сидел на вокзале и не мог ничего сделать. Козлов был охвачен сомнениями. Так прошел вечер, а ночью он проснулся от того, что рядом говорили по-немецки. В глубине зала он увидел силуэты в военной форме...»

Дальнейшую судьбу Козлова проясняет работа.

«— Садитесь, — послышалось вдруг.

От неожиданности Козлов сел. Только сейчас он разглядел за столом маленького человечка в строгом фиолетовом костюме. Тот сидел, сцепив ручки перед собой, и доброжелательно смотрел на Козлова. Всё в нем было утонченно и миниатюрно — тонкие пальцы, тонкие брови, тонкие дужки очков. Человечек этот то ли угадал соображения капитана, то ли по другой какой причине, сказал:

— Не собираюсь играть с вами в кошки-мышки. Вы находитесь в следственном изоляторе номер два, именуемом в простонародье Матросской Тишиной. Фамилия моя Криветке, звать Викентий Арсеньевич, я следователь и буду вести ваше дело.

ты, за что в 1937 г. был осужден по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

Отбив меру наказания, подсудимый Козлов не отказался от своих контрреволюционных убеждений, не прекратил клеветать на Советскую действительность и на руководителей Советского государства и Коммунистической партии. Так, подсудимый Козлов, проживая в Дзержинском, а затем в Тасеевском районах Красноярского края, на протяжении последних лет занимался антисоветской агитацией и проповедью троцкистских взглядов среди населения этих районов. (...) В июле 1957 г. в конторе Суховского с/по подсудимый Козлов в присутствии свидетеля Маковецкого пропагандировал троцкистскую «платформу 83-х», клеветнически утверждая, что она час-

Я удивлялся тому, какими беспомощными оказываются наш разум, наш рассудок, наше сердце, когда нам нужно произвести малейшую переменную, развязать один какой-нибудь узел, который потом сама жизнь распутывает с непостижимой легкостью.

М. Пруст

— Очень приятно, — Козлов встал и протянул через стол руку. — Капитан госбезопасности Козлов.

— Сядьте, — глядя мимо него, сказал Криветке. Козлов сел, пряча руку в карман.

— Я, возможно, вас разочарую, — произнёс следователь, — но скажу, что у нас нет никаких оснований верить вам, гражданин... хм...

— Козлов, — подсказал Козлов.

— Вы настаиваете?

— На чём?

— На том, что вы Козлов.

— А кто же я? — капитан опешил...»

«Приговор по делу Козлова А. А.

Приговор судебной коллегии по уголовным делам Красноярского крайсуда. Открытое судебное заседание, 28 ноября.

Предс. Шалимов, нар. заседатели Матуль, Плеханов, прокурор Плотноков, адвокат Свечкар, секретарь Азарёнок.

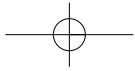
Подсудимый Козлов в прошлом, проживая в г. Свердловске, примыкал к троцкистской оппозиции, был одним из активных её участников, выступал перед членами партии против проводимой генеральной линии нашей партии, размножал и распространял контрреволюционные троцкистские докумен-

тично претварилась в жизнь в Советском Союзе, а позднее утверждал, что эта платформа правдится в жизнь в Китае. (...) Безмотивное отрицание своей вины со стороны подсудимого Козлова, есть ни что иное, как уйти от уголовной ответственности (...)

Приговор: 5 лет ИТЛ и 5 поражения в правах. Меру пресечения оставить содержанием под стражей во внутренней тюрьме УКГБ по Красноярскому краю».

Глава 6

«...Капитан Антон Козлов попал в пятнадцать третью разведроту в 1976 году. Занимался радиоперехватом. В 1978-м был направлен на работу в Афганистан. Руководил операцией по уничтожению американского резидента Доббса в Кабуле в 1979 году. Потом фронт. Под Пешеваром во время бандитской засады, тяжелораненый Козлов два часа отстреливался от превосходящей по численности группы пакистанских наемников, пока с вертолетом не подоспела подмога и бандиты не были

уничтожены. Награжден орденом Красного Знамени, медалью «За отвагу». В 1986-м получил звание майора. Ходил неоднократно с заданиями в Пакистан и Иран. После вывода наших войск из Афганистана Козлов демобилизовался и работал администратором в Госконцерте...»

«...Снилось Козлову, что он не капитан контрразведки, а известный на всю страну фокусник-иллюзионист, заслуженный артист республики. Будто выходит он в свете прожекторов на театральную сцену и под восторженный рев многотысячной публики достает из черного крашенного цилиндра генерал-майора Скойбеду за уши. Достает и, пристально глядя в глаза, ласково так спрашивает:

— Ну что, Валерий Михалыч, сукин ты сын, будешь еще до-я...ться до меня?

— Буду, — отвечает Скойбеда.

Тогда Козлов берет свободной рукой волшебную палочку и,

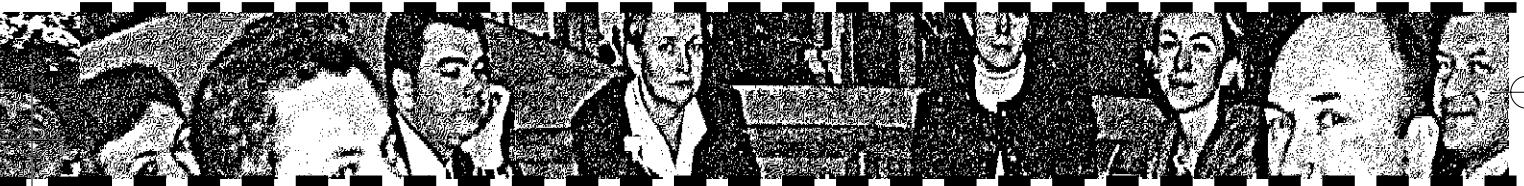
палку волшебную — два, генерал-майора Скойбеду — три!

А Ленин тем временем вырывается и, оставив уши в руке Козлова, бежит, как есть, к авансцене, приговаривая: «Финансы — говно, кадры — говно, диктатура пролетариата — говно». И там, перепрыгнув оркестровую яму, скрывается в зале. Его ищут, но тщетно.

— Поймать его! — кричит Козлов, задыхаясь. — Меня же прапорщик Плеханов убьет!

Козлов вздрогнул и открыл глаза: «Долго же я спал. Господи, как болит голова!»

Судя по следующему сообщению, Козлов через некоторое время оставил военную службу и нашел свое новое воплощение на сцене. Сообщение о том, что Козлов после Афганистана пошел работать в Госконцерт, находит следующее подтверждение.

стукнув ей Скойбеду по лбу, превращает того в свинью.

— А теперь будешь? — спрашивает.

— Буду! — визжит свинья.

Тогда Козлов, еще раз взмахнув палочкой, превращает свинью в Ленина и сам пугается своего поступка. Стоит он, значит, а пот с него так и хлещет. Тут еще вскакивает с первого ряда полковник Семинард и, потрясая его, Козлова, личным делом, кричит:

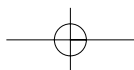
— Прекратить антиобщественное представление, я приказываю прекратить!

Козлов и рад бы, да вот только никак. Держит он Ленина за уши и ни во что превратить не может. А тут уже бегут к нему изо всех проходов мрачные люди с развитой мускулатурой и недоразвитыми головами, да старший прапорщик Плеханов, высунувшись из-за кулис, шепчет злорадно:

— Сдать на вещсклад немедленно: цилиндр крашеный — раз,

Глава 7

«...В Иркутске с новой программой «Сезон чудес» выступает фокусник Антон Козлов. Маленькие зрители заинтересованно смотрели на сцену, ведь такие представления устраиваются прежде всего для них, взрослых удивить нынче сложнее. Желание разгадать секреты фокусов захватывало детей, не пугали маленьких зрителей даже острые ножи, которые просовывали в надетый на голову ассистента специальный шлем. Как говорит Антон Козлов, опасные трюки иллюзионисты обычно показывают на себе. А если приглашают зрителей, то должны быть точно уверены, что ничего не случится. Пилу для фокуса с распиливанием человека фокуснику сделал московский мастер. Эскиз инструмента чародей разрабатывал сам. Правда, этот номер гораздо проще, чем иллюзия знаменитого Игоря Кио, где женщину помещают в большой ящик на столе, распиливают и раздвигают стол. Но секрет того фокуса давно уже разгадан, а тайну пилы Козлова узнать смогли не все. В программу вошли и менее сложные номера. С помощью волшебных слов квадратные пластинки меняли цвета, а карты приобретали другое значение. Большинство фокусов Антон придумывает сам.

Увлечаться «искусством обмана» начал еще в пятом классе. Дебют мага и чародея Антона Козлова состоялся на новогоднем вечере. С тех пор фокусы стали частью его жизни...»

Однако, концертная жизнь не устроила Козлова, и вскоре он покидает сцену. Через некоторое время мы снова находим Козлова в Москве.

Глава 8

«...Козлов шел по Тверской в шестом часу утра. Вдруг из подворотни выскочила маленькая женщина с красным опухшим лицом, не старая еще, но сморщенная вся, в грязном платье. Увидев Козлова, она остановилась в замешательстве, всплеснула руками, как если бы его появление ее озадачило, а потом спросила:

этого чувства. Нет у русского человека ничего, и поэтому сам он как вещь, и к другим людям может относиться, как к вещам. И валяться он может где угодно, мысленно резюмировал Козлов. Совсем рассвело. Уже на Петровском бульваре с Козловым поравнялся человек. Мужчина лет пятидесяти, толстый, небритый, в белой кепке. В руке у него была авоська, а в авоське пакеты с молоком. Сначала Козлову показалось, что он debil, но потом Козлов понял, что нет, просто такого типа человек. Мужчина сказал:

— Две недели назад в парке убили двух лошадей, а милиция убийцу найти не может. Что это за милиция, если найти не может! Нужно собак на след привести. Мы им из клуба собаководов вон сколько собак даем. Неужто трудно найти убийцу?.. — Он шел рядом с Козловым, плечо к плечу. Козлов слегка опешил.

— А кто убийца-то? — спросил Козлов

— Да мужик какой-то. Сволочь. Вот в войну — поймали, хоть за воровство, хоть за что, и без суда отвели во двор, и к стенке. Правильно! И сейчас бы так! Тихо, чтоб никто не видел... Гуманно к лошадям относится на-

стетоскоп 33/34-2002

«Чужая жизнь»

— Ой, а который сейчас час-то?
— Пять часов семнадцать минут, — ответил Козлов.

— Ой, пять часов уже, — еще больше озадачилась тетка. — А я-то, дура старая, напилась, валялась где-то.

Сказала так, сообщила между прочим и пошла своей дорогой куда-то, и исчезла в предрассветной мгле. Козлов пошел дальше. Он шел и размышлял о превратностях жизни. Русский человек может относиться к себе как к вещи, отстраненно, — «валялась где-то», как сказала утренняя женщина, словно речь шла о старой коробке или бумажке, думал Козлов. И это не нарушает чувства гармонии русского, ни гражданской, ни индивидуальной. Нет у него чувства гражданского достоинства, самоосознания себя как человека, который не может валяться «где-то», а уж если валяется то в определенном каком-то месте. Нет у русского человека

до! — сердито резюмировал человек и пошел в сторону. Над Москвой светило ослепительно яркое солнце...»

Одновременно с этим у Козлова начинают выходить книги, косвенное подтверждение чему мы находим в следующих сообщениях:

«В предисловии к своему роману «Путь Бога» Козлов пишет:

...Надеюсь, что мой труд не пропадет даром. Первую свою книгу я отправляю в интернет для свободного распространения. Мне надо знать, готовы ли вы, люди, к новым взглядам на Мир и на свое место в нем. А продолжение будет написано только в случае заключения договора с издательством и выйдет только в печатном виде. Так что от вас, пользователи-читатели, будет зависеть, узнает ли человеческая цивилизация планеты Земля об истинной жизни Смертных и Бессмертных существ во Вселенной. С уважением и надеждой — Антон Козлов.

Водительское удостоверение 77 МЕ Мо 009364, выдано 16.07.1994 г. в 02 ГАИ г. Москвы (это страховка от желающих присвоить себе авторство)...»

«Из 33 Авторов, начиная с 1992 г., книги вышли у 29-и (нет книг у Нины Божидаровой, Дмитрия Бортникова, Киры Сапгир; единственный сборник стихов Антона Козлова вышел в 1988 г.).

Антон Козлов — Метакоррупция. Уголовные истоки партии большевиков. М.: ПИК, 1992. — 143 с.

Козлов А. — Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов».

Но книги книгами...

«Эхо взрыва на Пушкинской площади

Медики продолжают бороться за здоровье пострадавших. Следствие по делу о теракте на Пушкинской площади в Москве продолжает отрабатывать три версии случившегося. Об этом во вторник сообщил зам. министра внутренних дел генерал Козлов. Мотив преступления остается неясным. По словам генерала, «здесь могли быть и экономические мотивы, и как таковой теракт, и чеченская версия». Между тем, в столичных больницах спустя три недели после взрыва всё еще находятся 23 человека».

Beng (Германия), Jean Tubon (Франция), Nidjo Ribinda (Япония), Agneshka Jakinski (Польша), Anton Kozlow (Россия) и др.»

Дальше — больше. Козлов оказывается жителем города Заринска Алтайского края и участвует в лотерее:

«Список участников лотереи

116. Ключев Денис, Кемеровская обл., г. Новокузнецк;

117. Козлов Антон, Алтайский край, г. Заринск;

118. Колесник Вячеслав, Тюменская обл., г. Сургут».

О выигрыше ничего не известно...

Говорят, физически человек обновляется каждые семь лет. А духовно не обновляется ли человек еще чаще? Сколько человек умирает в одном человеке, прежде чем сам он умрет?

Ж. и Э. Гонкуры

Глава 9

Судя по дальнейшему ходу событий, именно в это время начинается новый системный кризис идентификации Козлова: идентификация Козлова начинает множиться и детская болезнь, навсегда казалось изжитая, снова дает себя знать. Так, Козлов оказывается среди специалистов по выращиванию монокристаллов и тепломассопереносу. Мы находим его имя в следующем контексте:

«Уважаемые господа!

Приглашаем Вас принять участие в 4-й международной конференции по росту монокристаллов и тепломассопереносу, которая состоится в Обнинске с 24 по 28 сентября 2001 года. Эта конференция проходит раз в два года и является крупным событием в научной жизни страны. Предполагается, что на конференции выступят с приглашенными докладами такие известные ученые, как профессора Peter

Глава 10

Козлов Антон — учебный мастер. Кафедра транспорта и дорожного строительства. Кафедра ведет подготовку специалистов по специальности 291000 — «Автомобильные дороги и аэродромы», срок обучения — 5 лет. Присваиваемая квалификация — «инженер-строитель». Кафедра организована 28 ноября 1932 года и является одной из старейших в академии. Ранее она называлась «Кафедра транспорта леса». В 1997 г. кафедра отметила свой 65-летний юбилей. Первым заведующим кафедрой был известный ученый в области сухопутного транспорта леса профессор Корунов Михаил Михайлович. Его формулой по расчету ледяных переправ пользуются во всем мире. За годы существования кафедра подготовила более 4 000 квалифицированных инженеров и 20 кандидатов и докторов наук. При кафедре открыта аспирантура.

стр.

14

Глава 11

«— План такой...

— Погоди с планом, Козлов.

Планы у Козлова были грандиозными — расширение производства, открытие новых линий, например, по копчению кур...»

«Если обратиться к бизнес-плану г-на Козлова по производству маргарина, представленному в Минсельхозпрод, то в глаза бросятся противоречия...»

«Директор по инвестиционным проектам «РАСКО» А. Козлов сообщил, что в планах его компании к 2005 году довести объем производства бутылок до 2 млрд в год... При этом планируется, что более 65 % объемов будут составлять бутылки под пиво из темного стекла».

затем, чтобы устроить свою личную жизнь, найти удачного жениха. Но выискать богатого француза очень сложно, они все дико дорогие и в кафе не заплатят даже за вашу чашечку кофе. Правда, одной нашей, Любе Ступаковой, здорово повезло: она встретила богатого француза и даже раскрутила его... а вот вышла замуж за скромного русского, кандидата наук Антона Козлова...»

Но ни женитьба, ни производство маргарина не принесли нашему герою столь нужного ему душевного покоя, не решили смысловых проблем Козлова.

«Я с тревогой обнаружил, что ощущение скуки, никчемности бытия снова возвращается ко мне и что несмотря на весь пережитый ужас, избиения и пр. — именно там мне было не скучно».

Интересно, что в связи с так называемой научной работой Козлова, мы находим следующую переписку двух, судя по всему, разочарованных коллег Козлова, из которых явствует, что некто Волков решил погубить карьеру Козлова, разоблачив последнего как проходимца.

«Здравствуйте, Антон!

Спасибо за отзыв. Я сейчас работаю (консультирую) с несколькими людьми. Они готовы выступить публично с разоблачением

стетоскоп 33/34-2002

«чужая жизнь»

Глава 12

Именно в этот период Козлов решает жениться. О будущей супруге нашего героя практически ничего не известно. Ни дата, ни место свадьбы не известны. В воспоминаниях Елены Камаевой мы находим такой пассаж:

«...Если честно, некоторые русские модели сознательно ищут возможность продать себя подороже, потому что за день на подиуме зарабатывают две тысячи франков, а за ночь — двадцать. Несчастные французские менеджеры из модельных агентств вынуждены по ночам носиться по Парижу и вытаскивать наших девчонок из всяких грязных дыр. Есть русские девушки, которые приезжают в Париж только

культового характера деятельности А. Козлова. Я сам готовлю более полный текст своей экспертизы [...] Учитывая все собранные факты, я планирую широкую кампанию по называнию вещей своими истинными именами и освобождению от козловских чар. Можно ли будет, в связи с этим, опубликовать Ваше письмо на моем сайте в рубрике «Обратная связь»? Я могу убрать из письма все, что Вы посчитаете нежелательным для себя.

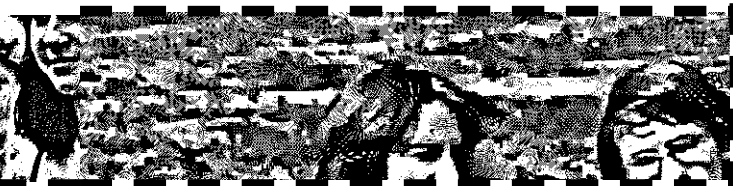
С уважением, Евгений Волков».

«Здравствуйте, Евгений!

Очень рад оказать Вам посильную помощь в разоблачении «чар» методик Козлова. Если чем-то поможет мое письмо, то можете его публиковать полностью, я от своих слов не отказываюсь. По мере сил буду искать сторонников, т. е. противников «учения» Козлова.

Сам я программист, но в кругу моего общения есть студенты, обучающиеся по специальности «Психология» в Самарском гос. университете. Так вот, для большинства из них Козлов – священная корова, не подлежит обсуждению и не подвергается критике. Если честно, то мне становится страшновато, эти люди, при таком взгляде на мир, будут «лечить» людей, наставлять «на путь истинный».

Со вчерашнего дня я проанализировал, что же меня насторожило в методиках Козлова. Надо признаться, читаю я очень медленно, причем даже романчики, потому что думаю во время чтения и возвращаюсь тут же к прочитанному для закрепления умозаключений. После прочтения первой книги сложилось стойкое впечатление, что автор, во-первых, считает себя умнее всех (постигшим мудрость жизни) и претендует по меньшей мере на звание «гуру»; во-вторых, люди для него как мясо для мясника. Не как кирпичи для строителя, тот хоть что-то строит, а именно как мясо, которое можно отбить и порезать, посолить и поперчить (по вкусу), пожарить или отварить, а потом сожрать или выкинуть, дескать, пересоленный. Это вызвало жуткий протест. Да, может, я в чем-то никчемен и недоразвит (это правда, я даже знаю, в чем, и даже не обиделся, когда Козлов меня сунул

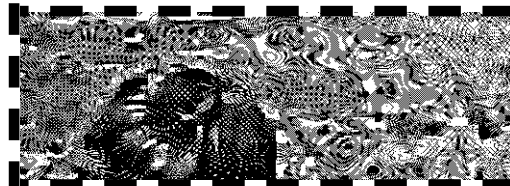
в это), я ношусь со своими комплексами, как с писаной торбой, но я индивидуален!

После прочтения второй книги большое сомнение стали вызывать и методики. Когда человек в первой книге подробно поучает, как строить семью, а к концу второй разводится, то сразу вылетает реплика: «Не верю!!!» Человек, от которого ушла жена, достоин сочувствия. Хочу поставить акцент – не разошлись, а именно ушла. Но еще недавно он же (Козлов) и учил, как строить семью. Это к тому, что у «гуру», который призывает дарить любовь всем окружающим, просто не хватило, как говорят в нашем кругу, психологических ресурсов для одного, самого близкого и дорогого человека, пусть даже теоретически близкого (но после стольких лет...).

Повествование о жизни человеческой может быть сколь угодно длинным либо коротким. Метафизический или трагический выбор сводится в конечном счете к традиционному запечатленному на надгробном камне датам рождения и смерти. Он привлекает своей предельной краткостью.

Мишель Уэльбек. Элементарные частицы

Любить весь мир несложно, а вот любить одного человека – это подвиг (банальность, но я это прочувствовал.) И еще немного о любви. После прочтения книг Козлова можно смело делать вывод, что для Козлова любящие друг друга люди – враги. Они не укладываются в его теории, они не хотят любить весь мир... По-настоящему любящие люди мало чувствительны к давлению извне, у них такое противодействие изнутри!!!, что раздавить их невозможно!!! Как мне кажется, поэтому Козлов основной упор и делает на полигамные связи, разрушая моногамию и даже заставляя (высмеивая) ее. Этим осуществляется попытка уничтожения внутреннего иммунитета к его теориям...»

Глава 13

Вскоре Козлов исчезает.

«Об исчезновении Козлова я узнал из журнала «Ньюсвик». В рубрике «Новости» сообщалось о загадочном исчезновении профессора-ядерщика Антона Козлова. Предполагалась некая политическая подоплека. Жена Козлова говорила о роли КГБ в исчезновении ее мужа. Я-то сразу все понял. Сколько людей прочло это сообщение, а поняли немногие. Но я

понял. Было это весной прошлого года. Я ехал в поезде. Весть о смерти старого знакомого удручила меня еще больше, чем серый пейзаж за окном вагона. Тем более, что весь день я провел в казино, а именно в казино я познакомился с Антоном лет десять назад. Это было в Лас-Вегасе, куда я заехал по дороге в Лос-Анжелес, работая над новой книгой. Тогда русских в Америке было еще не так много, чтобы они друга не замечали. И русские, которые случайно оказывались в одном месте, вполне могли разговариваться. Антон был родом из Риги... Он был заядлым игроком — играл в карты, на скачках, на бирже... Козлов ухитрился заработать около пяти миллионов долларов за год, потом ввязался в какие-то аферы и все потерял. Он начал играть в кредит, а когда вконец разорился, стал шулерить, и вот теперь — исчезновение где-то на задворках Америки...

Исчезновения Козлова следовало ожидать. Именно в это время Антон начинает терять связь с Козловым и постепенно превращается в Антонова. Но и это не спасает нашего героя от неминуемого конца; дальнейших ход событий подтверждает распад Антона Козлова на практически инкогерентные составные. Историю с исчезновением нашего героя несколько проясняет следующая информация:

«По сообщениям белорусских правозащитников, Антонов был задержан в ночь с 17 на 18 июля в Минске в районе улицы Козлова...»

В итоге, как логическое завершение процесса именной энтропии, Антон Козлов распадается на две топонимические составные — город Антон, штат Техас, США, и город Козлов (ныне Мичуринск), Тамбовская область, Россия (см. «План города Козлова»)

стетоскоп 33/34-2002

«чужая жизнь»

Андрей Лебедев Автобиография (1962-1970)

На сам 1962-й из близкого приходятся песенки Гетца – Жобима – Жильберто. Музыканты только-только сыгрались, озвучив новую чувствительность.

(Двумя годами раньше создан «УЛИПО»; в 1961-м вышли «Мои любимые вещи» Колтрейна).

В общем, можно считать, что я родился под босса-нову.

Каковая была отмечена парадоксом: для европейцев она воплощала в себе самую что ни на есть latinoамериканскость, для южноамериканцев же – интеллигентскую проевропейскость.

Так, наверное, воспринимался и Борхес.

Слышал ли я её тогда?

Теперь одно раннее воспоминание окрашивается в босса-новые тона.

Молодые родители учатся танцевать.

Места в большой комнате немного. Стол ссылают к окну.

Я пристраиваюсь на пороге маленькой и гляжу.

Отец двигается широкими взмахами. Мать немного стесняется и посматривает в самоучитель.

Когда вышел альбом уже дочери Жильберто, я пошёл разбираться к дискачам.

Разобрался, забрался; герой «Скупщика непрожитого» отправился в путешествие под предполагаемую музыку детства автора.

1963. «V» Томаса Пинчона

Фильм, который стал бы моим, – экранизация глав о поисках V.

Приключенческий роман, написанный вдогонку собственному отрочеству повзрослевшим психоделиком. Промежуточные главы о морях на суше или нью-йоркских джаз-кабаках под утро – вроде пробуждения к реальности, когда надо идти в школу, гастроном или с ежедневным ведром к мусорной машине.

Что впоследствии тоже вспоминается как чистая психоделика. Просто другой трип.

Конец июля 96-го. Я иду по Госпитальному бульвару и, вместо того, чтобы размышлять об индоевропейском корне «бха», думаю, сколько ещё недель могу не платить по счёту за электричество. Институтские бухгалтеры, страхуясь, говорят, что моё жалование почасовика будет перечислено лишь в конце августа.

Банкомат напротив больницы Сальпетриер, в которой практиковал Шарко. У входа в госпиталь памятник другому психиатру, с надписью на пьедестале: «Имяреку, благодетелю умалишённых».

Деньги пришли.

В двух шагах Аустерлицкий вокзал, где, не заходя домой, покупаю билет в Амстердам.

Пинчон во французском переводе взят с собой.

Ночую в студенческой гостинице, а дни провожу с книжкой на лавочке какого-то уютного дома у канала. Первое время –

сося ритуальный косяк. Кислый вкус тепличной травы быстро надоедает. Настоящей травой становится роман.

1964. «Моя жизнь в лесу духов» Амоса Тутуолы

Вначале были Ино с Бирном. Альбом, с которого теперь начинают отсчёт эстетики сэмплинга.

Тогда, в начале восьмидесятых, трудно было предположить, что на этом приёме будет стоять вся нынешняя электроника. Очередной прибабас Ино; клёво, но ему и полагается отличаться — сегодня это, завтра что-нибудь ещё.

В самиздатском переводе книги про «Говорящие головы» сообщалось, что Ино и Бирн записывали пластинку в американской пустыне и стучали при этом по пластмассовым вёдрам.

Вёдро станет любимым ударным инструментом. Свою лучшую партию я отколочу на концерте Умки в «Симпозионе» в девяносто эдак девятом году.

Сам Тутуола впервые был прочитан во второй половине восьмидесятых в переводе Андрея Кистяковского. Потом, как казалось, забыт.

Возвращение состоялось в двухтысячном.

Книжный магазинчик при входе в парижский Аквариум.

Доска со статьями о нигерийце (узнаю, что в Европе его раскрыли постаревшие сюрреалисты).

«Скупщик непрожитого» уже пишется.

Вдруг понимаю, что мне нужно перечитать покойника.

А он тут как тут, переиздан в Петербурге.

Пока книга дошла, феерический твист-энд-шаут уже закончен.

Но сколько общего! Ежеабзацная трансформация сюжета, рассказчик, которого несёт так, что единственной заботой является придание повествованию видимости хотя бы какого-то правдоподобия. Не сюжетного, какое там! Синтаксического, риторического, аллюзивного.

И опять: в Европе — африканец, в Нигерии — подголосок европейцев. Свой среди чужих, чужой среди своих.

«Гибель бухгалтеров» пишется уже с сознательной отсылкой к «Лесу духов». Осталось придумать, что именно это будет за лес.

1965. «Я иду спать» «Кинкс»

Я уже не гуляю далеко от дома в поисках воображаемого жилья, и меня не обдаёт холодным потом от нескольких нот подросткового хита, вырвавшихся за окно, когда иду по улице. Но что-то всё-таки тюкает в грудной клетке, когда раздаются этот голос и удары по двум клавишам.

I go to sleep, sleep, and imagine that you're there with me.

Подростковая трепетность оцифрована и хранится в компьютере отдельным звуковым файлом.

1966. «Элеонора Ригби» «Битлз»

Героиня в последнем куплете умирает. А их всего три.

Под струнный оркестр битлы входят в эпоху сурьёза. Подростковой любви и бэбичкам предложено потесниться.

Церковная мышка, подметающая рис на паперти после чужой свадьбы. Ждущая принца-Христа, юношу с рекламы?

Священник, штопающий носки.

В кого стреляет «Револьвер»? Что должно делать вечной девственнице с морщинистым лицом? Положить под язык марку ЛСД и зачать от волосатого хиппана?

Струнники режут время смычками на мелкие равные кусочки.

Храм.
Отец Маккензи.
Смерть. Горсть грязной земли, брошенная на гроб.

Будняя литургия андропо-черненковских времён.
Речитатив священника, нестройное пение инвалидов и тайных монахинь.
Вечная мороженная рыба в пост. Старцы, живущие по дачам духовных чад.
Совет креститься языком, дабы не видели доносители.
Но кто все эти одинокие люди? Откуда они пришли? И более ли они несчастны, чем остальные?
Когда Анн-Мари узнала, что я живу в одном доме с её персональной гадалкой, она явилась ко мне.
Монолог был о том, что ей уже не родить ребёнка, а жаль, ведь есть, что ему передать.
О том, что молодость прошла в защите прав женщин на аборт и поездках в революционную Гавану.
Что ей не хватает, не хватает... религии, *bref, tu vois ce que je voudrais dire.*

Чуть позже их комфортабельному посткоммунальному быту был положен конец. «Он нас больше не любит», — сказал Гийом о владельце мастерских, переделанных под квартиры с отдельными входом и сортиром.
(«*J'aime pas quand quelqu'un partage mon intimité*», — заметила как-то Анн-Мари насчёт удобств).

Народ разъехался. Они — отбыли в Монреаль.
Гийом шумно выражал радость от слияния с эмигрантским, пропахшим жареной говядиной и луком народом.
Анн-Мари кривила губы.
Гадалка гадала, почему они не звонят. Потом переехала и она.
Наконец перестали отвечать на мои телефонные звонки.
Лишь когда умерла мать Анн-Мари, меня уведомили о времени и месте церемонии.
*All the lonely people
Where do they all come from?
All the lonely people
Where do they all belong?*

1967. Марк Ротко. Картины для Часовни Хьюстонского института религии и человеческого развития

Живопись покончила с собой 25 февраля 1970 года в нью-йоркской мастерской, вскрыв вены и нажравшись барбитуратов. Наиболее чувствительные критики будут сравнивать кровь на полу с любимым тёмно-красным её поздних работ.
С 1964-го по 67-й она готовила себе поминальное место. Написала четырнадцать холстов. Выражала неудовлетворение: «*Я всё время ищу чего-то большего*». Нашла ли то, что искала, в вольной смерти?
Известно, что в последние годы жизни она страдала от аневризма астмы. Крепко бухала и хавала официально прописанную наркоту. Ушла от жены, но продолжала встречаться с детьми (жена умрёт в 71-м).
И всё вроде объяснимо вышеуказанным, если бы не рецепт, который она выписала себе ещё в 1958-м, напечатанный под видом каталожных записок. Пришло время перевести их на мову уроженца Двинска (или родительским языком был всё-таки идиш?):

«Рецепт произведения искусства – его составные – способ приготовления – формула.

1. Должна быть ясно выраженная озабоченность смертью — намёки на смертность... Трагическое искусство, романтическое искусство и т. д. имеет дело со смертью.
2. Чувственность. Основание нашего конкретного бытия в мире. Связь нашей похоти с существующими вещами.
3. Напряжение. Как конфликт, так и обуздываемое желание.

4. Ирония. Это современная составляющая — самостирание и вопрошание, с помощью которого человек на мгновение может выйти на что-то большее.
5. Остроумие и игра... для человеческого элемента.
6. Эфемерность и удача... для человеческого элемента.
7. Надежда. 10 процентов для того, чтобы сделать понятие трагического более осязаемым.

Я очень заботливо отмеряю эти составные, когда пишу картину».

Мне повезло увидеть её огромную выставку в 99-ом в Парижском городском музее современного искусства. Огромные залы, высоченные стены — то, что нужно для таких работ. Единственное подходящее место в городе. Не Бобур и не Большой дворец.

1968. «Один плюс один» Жана-Люка Годара

Как я мучился, смотря этот фильм!

В «Сите де ля мюзик» шла ретроспектива кинорока шестидесятых.

Вудсток.

Дилан.

Концерт «Роллинг стоунз», на котором Джаггер объявляет о смерти Брайана Джонса.

(Джонс к тому времени превратился в навоз под действием дури и спиртного; от него не знали, как избавиться).

Джаггер многозначителен и торжественен, произнося речь в трубадурском костюме.

И тут — шимпанзирующий Годар. Годар-обезьяна.

Которому наплевать на цветочный призыв.

«Чёрные пантеры»? Идиоты.

Белый интеллектуал, терзающий вопросами Анну Вяземскую? Идиот вдвойне.

Сама деваха? Сексапильна, но тупа.

Дайте пафосу!

Бриджит Бардо в президентки!

Легализовать.

Разрешить.

Узаконить.

«Битлз» только что записали «Сержанта Пеппера».

«Двери» — «Странные дни».

Набирает силу Хендрикс.

И чего тебе неймётся?

Объединяющий сюжет — запись «Роллингами» «Симпатии к дьяволу» (Говорят, что Джаггер вдохновлялся «Мастером и Маргаритой»).

Тусня у микрофона на подпевках. Звучит нестройно, зато выглядит живописно.

Flower Power.

Годар-доктор. Доктор Годар.

Всеобщая худоба.

Аутичный пианист.

Шиза призывов, писанных на уличных стенах женой самого режиссёра.

Студия-госпиталь.

Песня под капельницей.

«Вам надо пройти полное обследование».

1969. «Осталось пять листочков» Ника Дрейка

Ещё один самоубийца. Или у меня извращённый вкус?

Други Дрейка оспаривают версию суицида. Я не знаю, что такое антидепрессивный «Триптизол» и сколько нужно его принять, чтобы очнуться.

Так или иначе, создаётся впечатление, что выдающие конец шестидесятых-начало семидесятых за весёлое время чего-то не договаривают.

Три альбома при жизни. Четвёртый наскребли по домашним и студийным сусекам, когда выяснилось, что Дрейк – самый значительный из непризнанных гениев хиппи-дрипи.

Статья в «Ровеснике», читанная в отрочестве, обличала холодность капиталистической публики и восхваляла юношу, писавшего трогательную музыку на высокопоэтические тексты.

Комсомольские либералы печатали странные материалы, в надежде на то, что читатель поймёт: главное не сама статья, а имена и цитаты.

Через много-много лет в Париже я услышал дивные звуки.

Купил, принёс домой, как котёнка.

Пустил в комнату, налил молока.

И лишь со временем осознал, что о фатальности любви был предупреждён младопартийцами лет за двадцать до встречи.

1970. «Сучье варево» Майлза Дейвиса

Переизданный Колумбией-Сони в 98-ом году он походит на карманную библию, не влезает ни в одно из отделений стойки для компакт-дисков и украшает металлическим корешком полку для книг малого формата.

На обложке лицо трубочка и заводилы. Высвеченное жёлтым, похожее на карту Луны.

Студийные сессии расписаны в досье по дням и часам:

19 августа 1969-го десять утра – 6 февраля без двадцати два полудни.

Альбом выходит в апреле семидесятого.

«Да, лето 1969-го будет памятно многими вещами. Политика, полёты в космос, бунты (как дома, так и за границей); другими словами, переход. Каждый, кто пережил этот год, чувствовал и выражал разным образом его воздействие. Даже тринадцатилетние дети должны были принять решение.»

(Боб Белден, текст из буклета)

Я не помню точно, что делал 19-го августа шестилетним ребёнком. Возможно, был у прабабушки в Ессентуках, ел арбуз или сопровождал маму на источник (вода пахла протухшим яйцом и называлась «Ессентуки-17»).

19-го же августа 1991 года возвращался из Аньера. Отслужив Преображенскую литургию, отец Илья сообщил за чаем о том, что слышал по радио. Хорошо, что не до.

Потом по телевизору показывали сотрудницу «Русской мысли», объяснявшую от лица газеты (читай: русской парижской диаспоры), что она думает по этому поводу.

В письме из Купавны предлагается переводить Bitches Brew как «Сучий потрох», с отсылкой к коктейлю автора «Москвы – Петушков». Роман писался в том же семидесятом: с 19 января по 6 марта.

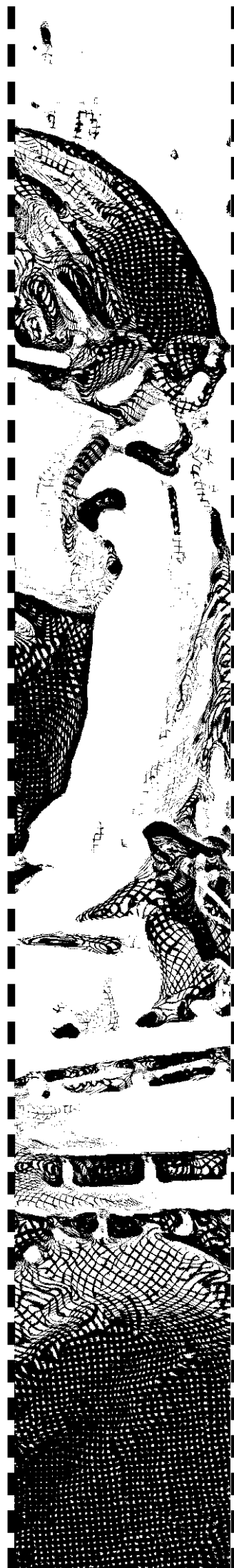
Посёлок отмечен на карте романа. Мы, правда, старокупавинские, то есть уже ногинские, а не балашихинские.

Но всё равно учили классический маршрут наизусть.

Загуляв в Москве, я иногда не успевал на автобус, идущий от «Измайловского парка», и садился на Курском вокзале на электричку, чтобы потом идти полтора часа от станции, слушая птиц, смотря на замершие ночью дачи.

Музыка пригорода. Уже не джаз, ещё не рок.

Майлз Дейвис. Купавна.

Лариса Кобринская

ЛОСКУТКИ 5

стр.
22

5

Здравствуйте,
Ваше время прошло.
Сначала оно отошало
Как отрок в предчувствии отроковицы.
Скукожилось.
Расплелось и сгнуло.
А теперь его призрак раздувает щеки.

55

Пляшет облако и плачет.
В рощицах растут грибы.
Рыщет человек и алчет
Свежих пряников судьбы.

Морок. Моросит морока.
Час. Часок. И полчаса.
В середине синя ока
Золотистая оса.

Простота от постоянства.
От простоя, от поста.
От веге и тарианства.
От тиранства-воровства.

Дремлет волхв,
Кому направо, а кому — наперекор.
Кормится людей орава,
Напирая на бекон.

Лучик верткий. Склон пологий
Ставит шансы на дыбы.
Пешеход мозолит ноги.
Шины стерты. Взмокли лбы.

Ниточка в клубке сумятиц,
Обобратить — не оборвать.

СТЕТОСКОП-3334-2002

555

Рассказывай, рассказывай. Уже
Не обойтись беседой,
только бездной.

Рассказывай о поступи железной.
О жажде власти, силы, а затем
О первенстве на веточке и все.
Все воздаянье в тупике расклада.
Чужой свирелью выдута рулада.

Хоть тесен мир и в нем едино все.
Но состоит единство в единеньи.
Не в переделе.

Ласкового дня горошинка легка.
Скорбя о деле,
Разбойнички уходят ночевать.

5555

Слов отраженье — сутолка имен.
Соотношенье — пастушок соитий.
Упорство смертных —
повод для событий.

Бесстыдно откровенье.
Не прикрыть
Искусством стих.
И наготу служенья
Не приукрасить красотой сложенья.

Привстать и опереться на крыло,
Пренебрегая запахом распада.
Ты мне не рад,
Раб страха своего.
Но чья-нибудь душа, наверно, рада.

55555

Блазнится — льется не любовь,
а лесь.

Зачем нужда в любви человека
так непременно,
если Божья есть?

Но нет ответа на условие это.
Как нет вопроса — почему я есть.

Апрель 2002 г.

Александр Погорецкий родился 19 сентября 1926 года в Тунисе, Юрий Титов родился 19 января 1928 года в Загорске, недалеко от Москвы.

Оба в настоящее время находятся в старческом доме в предместье Парижа.

Александр Погорецкий писал картины в 1945-1955 годах в Швейцарии и во Франции. Впоследствии он постепенно оставил живопись — по семейным обстоятельствам, ради необходимости зарабатывать на пропитание. Мы познакомились в 1989 году (я тогда только что приехал в Париж), в церкви, куда Александр ходил до тех пор, пока мог двигаться. С редкостным великодушием и деликатностью он помогал людям и совершенно не заботился о себе. Лишь летом 2002 года, пытаясь спасти скромное имущество, оставшееся в квартире в Вильнев-ла-Гаренн после его переезда в старческий дом, я открыл для себя его творчество — картины, которые он написал в молодости, будучи выпускником Академии художеств Лозанны. Его наследие включает два десятка картин маслом, около тридцати работ темперой, несколько рисунков пастелью, гравюры и множество набросков карандашом и углем замечательной силы и выразительности.

Пересечение

судеб

Юрий Титов, родившийся в Советском Союзе, был одним из первых художников-диссидентов, прорвавшихся сквозь железный занавес в 1971 году. В изгнании Юрий Васильевич потерял жену — она покончила с собой вскоре после приезда в Париж. С тех пор он занимается изготовлением свертков: мусор, рулоны туалетной бумаги, пластиковые пакеты и тому подобное (в дело идет все, что попадает под руку) он сворачивает в кульки и развешивает на видном месте. Несколько раз ему пришлось побывать в психиатрических клиниках. Подвешенные свертки начинают жить собственной жизнью и обретают совершенно неожиданные духовные измерения. Два года назад нам удалось устроить его в тихий русский старческий дом. Дирекция выделила ему мастерскую; на больших листах бумаги он чертит цветными фломастерами проекты Корабля-Крепости, обители Истины — многоэтажные конструкции, увенчанные фигурой Птицы-Лебеда.

Камилль Чалаев

Иван Котельников

..... **Фома Симферополь**
 Егор Гроза, или Сонет № 7
 **Осип Удача,
или Новые времена**
 **Солдатская история,
или С Новым годом!**
 Неотправленное письмо
 Поручик Пантелеев
 Мой сосед
 Василий Тараканов
 Помещик Троекуров
 Иван Котельников

Фома Симферополь

I

Фома Симферополь
 Без четверти шесть
 Приходит с работы
 Сердитый, как жесть.

Фома Симферополь
 Срывает сюртук,
 Тяжелую шляпу
 Швыряет на крюк.

Фома Симферополь
 Садится за стол
 И ровно минуту
 Исследует пол.

За окнами осень,
 За окнами гром,
 За окнами липы
 И каменный дом.

В чугунных оградах
 Клокочет вода,
 Мелькают машины,
 Шипят провода.

Фома Симферополь,
 Очнувшись, встает.
 Секунда-другая,
 И это пройдет.

Пройдет и отпустит
 Почти без следа
 И чувство досады,
 И чувство стыда.

Фома Симферополь,
 Упав на диван,
 Раскинет руками,
 Как башенный кран.

Раскинет руками,
 Закроет глаза,
 Глаза, из которых
 Сверкала гроза.

II

Отплакала осень,
 Приходит зима.
 Мы были бы рады,
 Но где же Фома?

Фома добровольцем
 Отправлен на фронт
 По черным мишеням
 Стрелять в горизонт.

Фома Симферополь
 Два года войны
 Живет и проводит
 В окопах страны.

В широкой шинели,
 В шинели до пят
 Он ходит в атаку
 И ходит в наряд.

С другими глазами,
 У правого – шрам,
 Таким он, наверно,
 Запомнится нам.

Когда же осколком
 Гранаты «Фагот»
 Фома Симферополь
 Был ранен в живот,

Природа внезапно
 Ударила в гром,
 А все остальное
 Смешалось потом.

1994 март

Егор Гроза, или Сонет № 7

Егор Гроза идет вперед,
 Идет куда глядят глаза.
 Куда глаза глядят идет,
 Само собой, Егор Гроза.

Егор Гроза идет домой,
 Идет и летом и зимой.
 Идет домой Егор Гроза.
 Метет метель,

грозит гроза,

А он идет себе вперед.
 Идет вперед, а не назад.
 Над ним смыкается восход.
 За ним смыкается закат.

А он идет себе туда,
 Откуда он пришел сюда.

1994 февраль

Осип Удача, или Новые времена

Стихотворение «а»

Осип Удача выходит во двор.
Осип Удача находит топор.
Осип Удача ломает забор,
Каждую щепку бросает в костер.

Осип Удача не любит шутить.
Осип Удача не любит грустить.
Осип Удача, чего говорить,
Целое войско готов порубить.

Осип Удача совсем нелюдим.
Осип Удача, на том и стоим.
Сука Улыбка и кот Никодим
Как-то еще уживаются с ним.

Осип Удача какой-то маньяк.
Целые сутки работы — пустяк.
Он отдыхает и курит. И так,
Что-то нарушено, что-то не так.

Стихотворение «б»

Сука Улыбка гоняет с утра
Кожаный мячик, в котором дыра.
Мы понимаем, что это игра.
Но, по-собачьи, возможно, хандра.

Кот Никодим наблюдает в окно
Эти забавы довольно давно.
Кот Никодим улыбается. Но
Мы понимаем, что это смешно.

Мы понимаем, идут холода.
Мы понимаем, замерзла вода.
Завтра суббота, сегодня среда.
Что-то случится, наверно, беда.

Осип Удача бросает на стол
Старую шляпу и рваный камзол.
Осип Удача ложится на пол.
Все остальное уже протокол.

1994 январь

Солдатская история, или С Новым годом!

I

Адъютант Перепелкин в окно посмотрел,
За Кирпичным заводом закат догорал,
На заборе, как водится, ворон сидел,
Одинокий прохожий во тьму поспешал.

И стекла ледяного коснувшись рукой,
Адъютант Перепелкин подумал на миг:
«Как зимы завершенье стоит часовой»,
Ужаснулся и в мир параллельный проник.

II

Когда над заводом погасла заря,
Сержант улыбнулся и, вслух говоря:
«Готовиться для караула»,
Подумал: «Однако, задуло».

Действительно, ветер усилился. Снег,
Как некая шапочка, валики век
Укутал, и шубой сугроба
Покрыта рабочая роба,

В которой электрик залез на фонарь.
Декабрь завершается, скоро январь.
По случаю Нового года,
Связисты сказали, свобода

Дарована будет. Родимый приказ,
Каких-то два слова: «Уволить в запас».
Но что ерунда для гражданских,
Сержанту дороже сержантских.

III

(за полгода до описываемых событий)

Иван Портупея, Степан Кобура,
Не долго вас помнил Кирпичный завод.
Когда призываться настала пора,
Начальник участка поздравил народ,
В последнем «по рюмочке» пало «ура»,
И кто-то из них проводил до ворот.

Иван Портупея, Степан Кобура,
Вы службу несете вдали от семей.
Застава со странным названием «Гора»,
И самое синее море за ней
Вскипает и шепчет. Стоят вечера
Такие, в которые муху убей

И будешь над нею рыдать до утра.
Иначе уже невозможно — июль.
Голубенький воздух, водичка, жара,
Что градусник жалко. Вот только патруль,
Последнее, видимо, что не игра.
Никто не хотел уклоняться от пуль.

...Иван Портупея, Степан Кобура,
Никто не заметил, как клацнул затвор.
Но если во лбу человека дыра,
То жизни его оборвался узор.
Осталась вот, правда, застава «Гора»,
Да вроде бы мы не искали тех гор.

IV

Электрический свет
За Кирпичным заводом,
А не танец планет
С переводом,

Что спасения нет.
За Кирпичным заводом
Электрический свет:
«С Новым годом!»

29-32 декабря 1992 г.

Неотправленное письмо**I**

«...Время-то зимнее, чай да малина,
Скоро не кончится. Здравствуй, Полина.
Это письмо я пишу, как и прежде,
С верою в наше свиданье, в надежде
Снова обнять ваши белые плечи...»
Дальше письмо обрывается.

«...Свечи,
Ужин, бокалы, и мы у камина,
Ваши вечернее платье, Полина.
Вы говорили...»

Прочсть невозможно.

Бурые пятна.

«...Темно и тревожно.
Черная улица, снежная вьюга.
Как далеко мы теперь друг от друга!
Кто бы подумал, что это случится!
Жалко, что я не летаю как птица...»
Текст прерывается. Бурые пятна.
«...Я и не спорю, Полина, понятно,
В это забытое Богом селенье
Может уже не добраться спасенье
Или в пути затеряться. Ужасно,
Но, тем не менее...»

Слово не ясно.

«Все же, как только представлю, Полина,
Вечер, бокалы, и мы у камина,
Так и подумаю, Ваш Пантелеев...»

Подпись разборчиво —

«Мичман Сергеев»

II

Вьюга, как водится, все заметала,
Улицу, стены, окно, одеяло.
Мичман Сергеев, в руке пистолет,
Тело пробито. Напишет поэт

Нечто такое: туманные речи,
Юность, Полина, предчувствие встречи.
Под образа закатились глаза,
Что бы там ни было, под образа.

1993 январь

XXX

Поручик Пантелеев,
Похожий на каблук,
Как многие в Гражданскую,
Не бросился на юг.

Поручик Пантелеев
Присягой дорожил,
За Веру и Отечество
Он голову сложил.

Уехала Полина
В Финляндию одна.
Уехала в Финляндию
Вдова, а не жена.

Стал шире круг знакомых,
Стал туже узелок.
А мичмана Сергеева
Никто забыть не мог.

И где-нибудь в Париже
Я вспомню о тебе,
Причину или следствие
Ища в самом себе.

1994 февраль

Мой сосед

У моего соседа
Широкая натура,
И за полночь беседа
Течет, как политура.

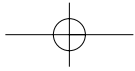
У моего соседа
Огромная квартира,
Курсирует «Победа»
От кухни до сортира.

У моего соседа
Веселая подруга,
Что спереди торпеда,
То сзади центрифуга.

У моего соседа
Отличная работа
С восьми и до обеда
На фабрике тавота.

У моего соседа
Любимая команда —
Не грозное «Торпедо»,
А местная «Лаванда».

У моего соседа
Мальчишка-непоседа,
У моего соседа
Орлова Никомеда.

Василий Тараканов

Василий Тараканов,
Похожий на цветок,
По-прежнему уверенно
Шагает на восток.

Василий Тараканов
Шагает, не спеша,
Укрытый синим куполом
Небесного ковша.

Василий Тараканов,
Живут его мечты
Каким-то детским праздником,
И помыслы чисты.

Дороги и овраги,
Холодный снежный мел,
Москвы пустые улицы, —
Он все преодолел.

Василий Тараканов,
Тверда его ладонь,
Идущий по трапедии
Прошел через огонь.

Начальник караула
Когда-то, а теперь
Он движется по компасу,
Как рыба или зверь.

Он движется куда-то.
Он движется вперед.
И в этом Тараканову,
Наверно, повезет.

Лежит его дорога.
Звучат его шаги.
Скажите Тараканову,
Что мы с ним не враги.

Х Х Х

Помещик Троекуров,
Стоящий у окна,
Четвертую минуту
Цедил стакан вина.

А я смотрел и думал,
Что этот господин,
Еще совсем немного —
Останется один.

Иван Котельников

Иван Котельников, ты где-нибудь, а я,
Я здесь три месяца живу и не горюю.
Ты можешь крыть, Иван Котельников, меня,
Как будто облако и рощу золотую.

Мне это выплюнуть, как семечко, поверь,
Иван Котельников, и речи боевые
Со мной не справятся. Я закрываю дверь,
А где-то там уже шагают часовые.

Иван Котельников, ты этот часовой.
Тулуп залатанный, сказать, не ошибиться.
И это звание — ефрейтор, рядовой,
И эта выдумка — гулять, не торопиться, —

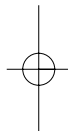
Мне очень нравятся. Ты слышишь ли, герой,
Иван Котельников, бредущий ниоткуда,
Иван Котельников, дурацкий часовой,
Бесценный каменщик, штакетник и посуда.

Да-да, штакетник и посуда. Голоса
В лесу не ожили, а так — не умирали.
Поднявши голову, увидишь — небеса.
Леса расходятся и порождают дали.

И если времени на это не жалеть,
То от залетного и глупого вопроса
«На что надеемся?» сумеет и согреть
Неразрешенная уставом папироса.

стр.
30

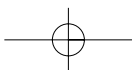
«Чужая жизнь»

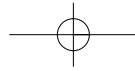

Жизнь нашу можно удобно сравнивать со своенравною рекою, на поверхности которой плавает челн, иногда укачиваемый тихоструйною волною, нередко же задержанный в своем движении мелью и разбиваемый о подводный камень. — Нужно ли упоминать, что сей утлый челн на рынке скоропреходящего времени есть не кто иной, как сам человек?

Козьма Прутков. Плоды раздумья

СТЕГОСКОП 33/34-2002

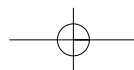
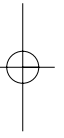
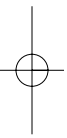

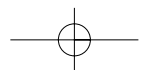
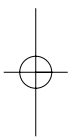
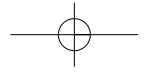

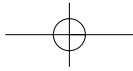
Митрич

В кругу друзей

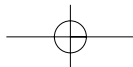
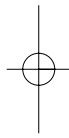
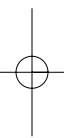
В КРУГУ ДРУЗЕЙ

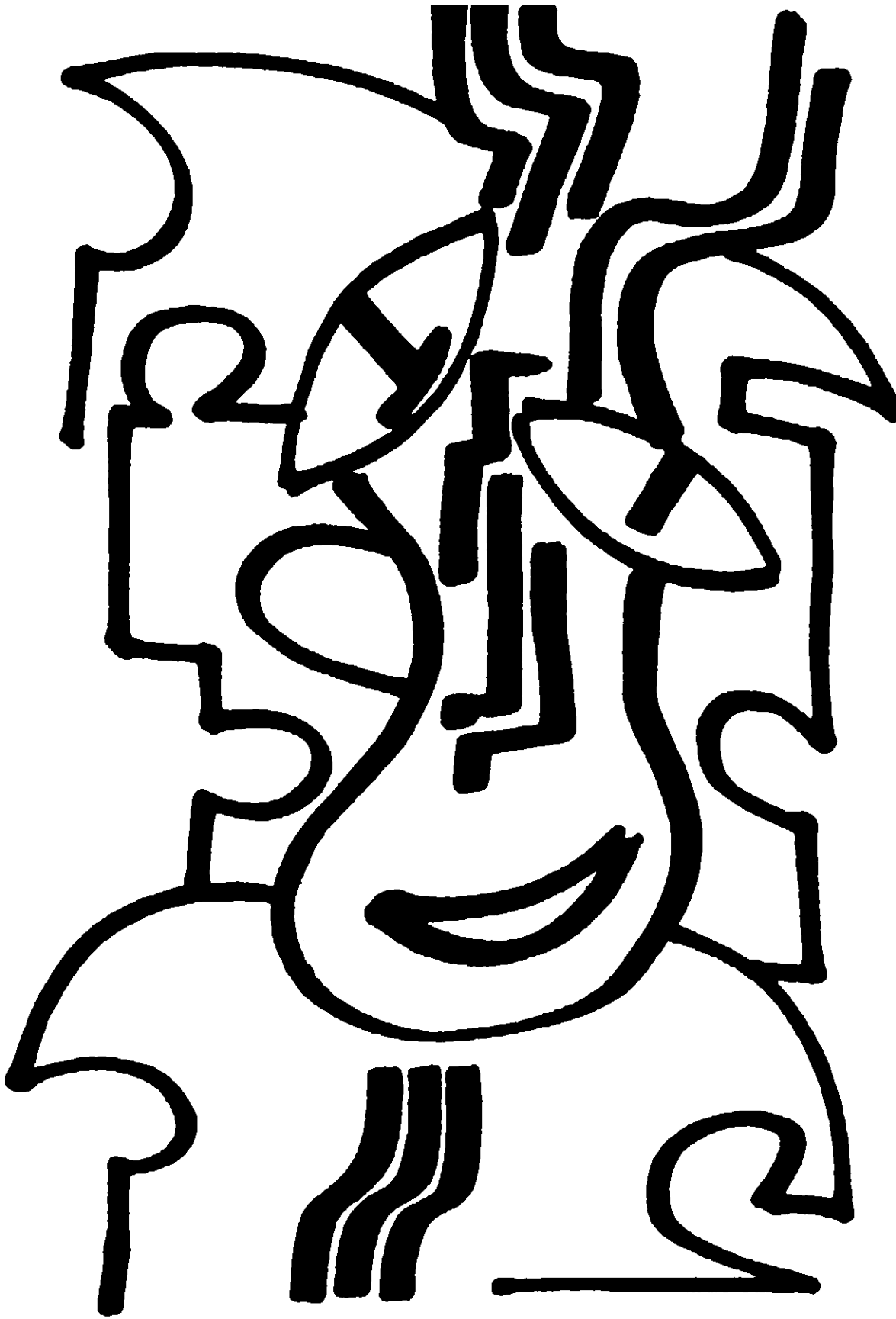
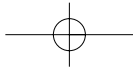

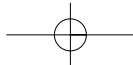
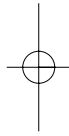
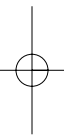
СТОЛОП
ВЕРИ
ТВОРИ
ТВОРИ

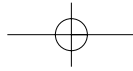

«ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ»

СТЕГОСКОП 33/34-2002

Тамара Ветрова Коллекция ОПЕЧАТОК

Красное дерево

1. Николай Волдырь носил старинную русскую фамилию – Волдырь; это еще со времен Ивана Грозного значились Волдыри – кто-то в Костроме, кто-то так... Даже еще до Костромы, до того, как город выстроили в назидание медведям (а краеведы знают, что медведь далеко не так прост, как в какой-нибудь передаче; это бессмысленное, крупное с пеной животное, уж лучше бы на ферму...). Фамилия Волдырь постарее, чем Капканов. Еще триста лет тому сидели бабы, не нашедши занятия, на дороге, только пели «ой-е-сынъки!»... А Волдырь – известная фамилия, даже в Летописи сказано, что их была тьма! Слово «тьма» означает «много», неумелые в летоисчислении горожане так мерили овес, пшеницу, скот. Если же им чего-либо не хватало, они говорили «ни зги». Это означало «мало», «меньше некуда». Родни у Волдырей было будто шли на нерест – тьма. Это были крепкие, в три обхвата люди, теперь такой народ переловился, а прежде из троих таких можно было сложить избу, даже говорили: красное дерево. Крепко, метко и любо-дорого, так, что не искоренишь; тут нужен богатырь или уж топор-золотая голова; а иначе никакого смысла, ни зги.

2. В прежние времена была у народа крепкая закваска, а нынче не осталось, один пар. В любом доме можно было найти мужика ростом с косую сажень, это не было исключением. Волдыри сто лет подряд селились где-то в Костроме, во всяком случае, недалеко – а что толку? выйдут, подопрут... Прежде поутру земля похрустывала под ногами, вот эти Волдыри стоят и похрустывают... Как-то их батька нахмурил брови: что, говорит, там в небе, аки трос, болтается? Кто-то из братьев говорит: батька, это птица. Тот в ответ ничего не вымолвил, но брата прибил

крепко, как говорится, без сучка, без задоринки... Потом уж стали повторять: отцовское слово крепче медали. А тогда не знали, не повторяли...

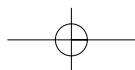
3. Акинфий Волдырь был крепкий мужик. Даже не столько он сам был крепкий мужик, сколь его левый кулак. Этот его кулак, помолясь Богу, поднимали поутру три его снохи, а если какая не удержит, уронит, то Акинфий, ухмыляясь, честил ее до вечера «мухобойкой»; такой охочий до баб мужик, только карманы береги...

4. Некоторые сейчас не верят, что в прежние времена у людей все ладилось, усмеваются, отрицая такую возможность. В прежние времена у людей все ладилось, это описывают берестяные грамоты. Письменность была крайне слабая, но вот сохранились пробоины в бересте и можно судить... Небольшие черточки в виде завитка овцы, по ним нетрудно понимать, будучи специалистом. При Петре Алексеевиче значился некий Калина Волдырь, умел и изразцы, и все; указано, будто он был чуть ли не первым в России сучкоборцем. Уж потом сучкоборцев развелось немеряно, а тогда только Калина Волдырь... Как известно, Россия глядела прямехонько в Балтийское море, слава неслась, и вот поглазеть на мастера-сучкоборца съехались кривоногие голландцы; стоят, зубочистками вертят... А Калина Волдырь сидит, выламывает сучки, как на гусях, да дышит во всю Ивановскую своей пустой ноздрей, так что те даже заперхали...

5. Известны и женщины, особо – Дурында Никитина. Тихая, как ромашка, Дурында Никитина вызывала, однако ж, к себе такое уважение, что и календарные праздники не помогали. Не говоря худого слова понапрасну, сидела, подперши грудь, как полная чаша; все спорилось, и такой крепкий дух...

Полезнее пройти путь жизни, чем всю вселенную.

Козьма Прутков. Плоды раздумья

стр.

36

«чужая жизнь»

СТЕГОСКОП 33/34-2002

Евгений Онегин

1. Жизнь среди белых статуй

Сразу предупреждаем: речь в повествовании пойдет о прошлом, где не встретишь ни единого телевизора или даже телефона. Точно неизвестно, было ли тогда электричество, но люди были наделены чувствами и в честь этого зажигали свечи. Евгений Онегин не был исключением в этом мире гнутых чугунных скамеек и атласных тuffелек. Это был человек с чудесным станом, тонким, изогнутым, как восьмерка. В нем не чувствовалось жеманства, а наоборот — он холодно ото всего отнекивался. Жизнь его проходила среди белых мраморных статуй Летнего сада, туда маленький Евгений был водим старухой-няней. Та, пряча глаза под платком, пела ему какую-то чудесную бессмыслицу, гулял, мол, барин с теткой такой-то, ой, да не ступил бы он в лужу белой ногой, лужа холодная, а в луже крокодил-зеленая пасть. Не было конца песням. Старые барыни в стеклянных чепцах милостиво кивали им чопорными головами, издавая перезвон.

2. Наитие

Дело в том, что у Евгения Онегина была сумасшедшая няня. Это придало его жизни неподвижную окраску, мальчика надолго (по ошибке) зачислили в сумасшедшие, и он ходил по северной столице, прищурившись на манер П. Я. Чаадаева. Няня расчесывала мальчика гребнем и пела ему песню про красавца-волка, как его спасла с виду страшная девица, а на деле — лягушка-принцесса. Так она пела, все перепутав по сумасшествию и старости; путаница уж зашла дальше некуда, ибо ей все это следовало напевать поэту Пушкину, а не Евгению Онегину, отнюдь не поэту! История Онегина совершенно иная, не имеющая касательства к няне, а связанная с дядей, умирающим в 1-й главе. Дядя Евгения Онегина спокойно умирал под взорами своего племянника; ни слова

не говоря, он сложил для удобства руки на груди и умер. Прошлое этого дяди покрыто мраком, а его история никем не описана. Даже неизвестно точно, был ли дядя или он вымышленная фигура; впрочем, бедняга крепко пил и руководил сводным хором крепостных красавиц — кого-то приближая к себе, а кого-то бия по щекам. Во всем походил на старика Ганнибала, и даже был им, если не прокрались в историю ошибка. В общем, Евгений Онегин не был сумасшедшим, а только казался в вихре светского раута. Он надевал шляпу (боливар) и выезжал на просторный бульвар для прогулки; потом обедал, ну, а дальше бал.

3. На бале

В прежние времена говорили «на бале», а не «на балу». Это делалось для красоты слога, а не ради нарушения грамматики. Всем известно, что быть на бале — трудная работа; все там затянато в талию, и бокалы шумят в потолок. Евгений Онегин все в таких местах осматривал с холодной небрежностью, швырял небрежно перчатки и, схваченный за талию приятелем, скользил в общем потоке. Евгений Онегин был бледный молодой человек, и вот однажды на бале ему повстречалась молодая, чуряющаяся всех девушка в берете. Евгений Онегин мимоходом отметил, как непохожа она на прочих записных красавиц: не красавица, хрупкая и чуть сутулая в профиль. Евгений Онегин скоро забыл виденную им девушку, но случайный приятель, некто Томский, обронил, что это Ларина Татьяна, тиха, бледна... Онегин только усмехнулся.

4. Ларина

Татьяна Ларина, та девушка в берете, оказалась недавно замужем; в ее мужьях ходил полнеющий после сражений генерал, которого девушка ничуть не любила за светский лоск. В растерянности Евгений стал среди зала, озираясь взглядом — кругом была зияющая пустота, наполненная никчемным лепетом. Вечером после работы Евгений Онегин написал Татьяне письмо, она прочитала его и мертвыми руками сложила на колени. Что же было в этом письме? Евгений Онегин признавался Татьяне Лариной, позабыв былую гордость, что он мог бы полюбить девушку, если бы не был замужем — то есть, конечно, наоборот. Татьяна даже не изменилась в лице, а смяла мертвою рукой это письмо, не двигаясь.

И вполно тма
 Когда, поупь бон
 На нелодуеуеуе
 Мудрррррррр
 Кудрррррррр
 Внрррррррр
 И градсрррррр
 И вв старт
 Адриенн рвее
 Меее и воеа

5. Среди шумного бала

Далее действие опять переносится на бал. Из Германии вернулся милый юноша с шелковыми прядями, спускающимися на лицо. Журчащие ручьи говорили ему нечто, чего не говорили более никому. Он прохаживался среди мирного кладбища, никому не веря, будучи любим. Над кривыми деревцами и кривым мостиком скользила луна, пленная красавица. Юноша звался Владимиром Ленским, с высоким, совершенно чистым, бледным лбом. Ему понравилась Ольга Ларина, о которой говорили, что она сестра Татьяны, о которой уже рассказывалось. Итак, началась путаница. В ней была виновата главным образом сама Ольга, из-за своей всегдашней непоседливости. Она таскала за собой целый шелковый мешок с куклами и попеременно выговаривала им, как маменька. Но дело даже и не в этом. Прогуливаясь, Владимир Ленский, поскользнувшись, растянулся подле ручья, а ветреная Ольга воскликнула, что это дурная примета! Мать ее даже по губам крепко шлепнула, да было поздно. Тем же утром Владимир и Евгений Онегин стрелялись, и посему на бале ни тот ни другой уж не появились, в знак траура.

6. Выстрел

Дубровский был ни за что оскорблен Троекуровым, но холопом себя не почитал. Сдвинув брови, он завещал своему сыну отмстить обидчику, и усадьба Троекурова запылала красным петухом! Простой люд, крестясь, веселился. Но так случилось, что Дубровский не стрелялся с Троекуровым, а Евгений Онегин стрелялся с Ленским; они стрельнули друг в друга на виду у мирной дубравы, разбудив эхо. Эхо еще долго об них говорило. Дубровский, сбережа честь, уехал в лес, а Евгений Онегин стал насмешливо выражать недовольство. Утро выдалось ясное и тихое, но Евгений Онегин уж покинул те места, в его усадьбе поселились мыши. Татьяна Ларина до утра просидела на стуле у окна, а потом легла в несмятую постель, головой на книжку. Зимы приметы все не появлялись, а Татьяна любила зиму больше всех подруг...

Прошло несколько лет.

7. Отступление

У чиновника Ландышева родились дети. Это был шумный дом, во главе с доброй матерью. Госпожа Ландышева рано состарилась от хлопот, ее доброе лицо так и светилось морщинами, а желтые руки были в кружевах. Старшая, Лиза, ходила в гимназию, помогая матери, а младшие дети бегали в одних чулках по комнатам. Вот, собственно, и все.

8. Заговор

В Петербурге кое о чем поговаривали. Евгений Онегин молча присутствовал при разговорах, холодно усмехаясь. Его язвительные товарищи предполагали с честью погибнуть за царя, чем жить в бесчестьи. Сам Евгений Онегин не мог ни на что решиться, он молча выводил на пыльном стекле свои инициалы.

9. XXXXXXXXXXXX

XXXXXX

-.XXX

XXXX--..

И вот!..

КОНЕЦ

Сочинения о Н. А. Некрасове

1. Неизвестное открытие

Некрасова звали Николай Алексеевич, это открытие принадлежит его матери. Имя же матери Некрасова неизвестно, как и имя его отца. Вот почему чаще всего можно встретить записки о Николае Алексеевиче Некрасове, хотя были и другие. Так случилось, что Николай Алексеевич Некрасов никогда не бывал на Волге, хотя много раз собирался. Он рассказывал своим товарищам о прихотях великой русской реки, как она петляет, петляет... И вот однажды, распахавшись, Некрасов даже приврал, что его младший брат сам собой проехал Волгу из конца в конец на лодке, запряженной бурлаками; будто бы он, этот брат, отчаянный любитель быстрой езды, все кричал бурлакам, чтобы те запевали песню, а те пели кое-как, невзирая на музыкальность. На деле же никакого брата у Некрасова не было, даже двоюродного, просто поэт заврался, прикрываясь вдохновением. Такие обстоятельства не новость, достаточно вспомнить П. И. Чайковского и других. Итак, Некрасов не ездил на Волгу сам, но много читал, узнавал. Оттуда и известная история о говорящем соме; это не байки, отнюдь, ибо сома сфотографировали, а речь записали, и этот текст ждет дождется своего читателя.

2. Нелепые сплетни о двух собутыльниках Некрасова

О Н. А. Некрасове известно кое-что, но немного, увы. Известно, что он был заядлым путешественником, весьма бесстрашным, кстати. Товарищи Некрасова ходили за ним деятельной ватагой, а он своим надтреснутым баском пересчитывал беспокойную молодежь по номерам. Некто Евграф Крашенинников — тот даже плакал, когда Н. А. Некрасов ткнет в него пальцем ради выражения гражданского долга... Этот Евграф Крашенинников был далеко не безразличен к этому всему, но с Некрасовым видался редко, даже совсем не видался (в среде товарищей, между прочим, его прозвали Заяц, но едва ли автор этого поощрения — Некрасов). Итак, этот Заяц в лучах чужой славы так расцвел, что едва был не принят за собственного отца, который числился чуть ли не генералом, но к назначенному часу уже помер; а Заяц побывал и на водах, и везде; подобный небольшому дереву, не гнулся, не вертелся, а блестел в лучах чужой славы, природу которой не понять, или разве что художнику...

3. Подруга поэта

Всегда интересно узнать, кому удалось обуздать известного человека, внесенного в учебник. Чаще всего это удавалось простым русским женщинам, подпоясанным ради убедительности полотенцем. Нашлась такая красавица и для знаменитого поэта. Имени ее никто не знал, а выражаться уродливым господским языком она не хотела и ласково мычала, утирая своего любимца вышитым полотенцем. Н. А. Некрасов благодарно уворачивался, а простая женщина, смеясь, искала у него в голове... Так неслись годы, и Н. А. Некрасов уехал в Самару. Самара город ничего себе, и Некрасов с первых дней принялся допытываться, как выйти к Волге. Но мужики только крутили головами, а один даже сказал: «Вольга? Не понимай». И вот Некрасов в своем расстегнутом сюртуке метался по улице Куйбышева, а потом, уж позже, появилось стихотворение «Волга-Волга».

4. Фокус-покус

Н. А. Некрасов был мастер показывать фокусы. В тарелку наливали воду, бросали туда монетки. Дамы принимались так хохотать, что приходилось их выставлять из зала, а Некрасов с молодыми своими товарищами накрывали голову платком. Так проходило изрядное время, потому что ждали результата. Им хотелось, чтобы открывши платок, все изменилось. Эта игра называлась «фокус-покус», ее жаловали больше карт, даже больше, чем забавную игру «угадай-ка», придуманную Некрасовым во время неизлечимой болезни. Так беззаботно летели дни до известного императорского Указа. Н. А. Некрасову пришлось уехать по цензурным соображениям в Самару и там сменить фамилию. Теперь эта фамилия звучала так: «О-ов». Вот, собственно, и все.

Н. М. Пржевальский

1. Известно, что Н. М. Пржевальский изрядно страдал от свирепости своего характера. Наблюдая за женщинами-монголками, собирающими аргал, он просил у товарища своего спичку и приставал к бедному спутнику странствий своих до тех пор, покуда не получал искомого. А получивши — задумывался, вертя спичку в руках; тут и там лежала степь. Пржевальский искал разгадку, кто такие тангуты: воины-степняки? или крупные камни, разбросанные для неведомой цели среди юрт? Товарищи Пржевальского, будучи офицерской закалки, спокойно отдавали ему честь, точно во флоте... Ну вот... Овладев местным наречием, Пржевальский что-то крикнул верблюдам, но те отвернулись, уставясь на свои горы.

2. Пржевальский не терпел верблюдов; это, казалось ему, хамские животные, не понимающие людского языка. Чтобы подчинить себе верблюда, Пржевальский смастерил изрядную веревку и показал ее верблюду-вожаку. Но денщик Пржевальского, который не знал иного занятия, кроме как лежать и жевать траву, выдумал свой способ. Вскочивши на верблюда со всею прытью простолюдина, он крикнул зверю: «Эй, матрешка!» — и тот, в изумлении поведя лиловым глазом, двинулся к северным горам.

3. Пржевальский ехал по пустыне Гоби. Товарищи с трепетом смотрели, какого угрожающего роста их командир, а Пржевальский делал отметки в блокноте. Он помечал, сколько юрт встречается на пути, выходило, что очень много; в каждой юрте жило местное население. Монголы старались не обращать на Пржевальского внимания, пили свой чай с салом да слушали радио, а русский путешественник шутил, что лучше продавать сушеный скотский помет (аргал), чем пасти верблюдов (такие, право, беспонятные животные, хотя и оснащенные парой горбов).

4. Как-то группа монголов сидела и пила свой кирпичный чай. Пристрастившиеся к чаю монголы не любят, чтобы их отрывали от этого занятия, которое приобретает роль культурного досуга. Мало смысливший в местных обычаях, Пржевальский въехал на крупном вьючном животном в юрту, призывая и товарищей сво-

их последовать сему примеру. Денщик, крепкий простолюдин, также вошел за господином в юрту, вращая глазами по адресу несговорчивых монголов. От этого недоумения едва не завязалась крепкая распря, но обошлось; лишь несколько невнятных выкриков — вот и все, что услышали Пржевальский и его товарищи.

5. Монголы любят своих лошадей, вот что. А пешую ходьбу презирают. Одаренные от природы крепким телосложением, они берут за холку пешехода-чужака и показывают его как диковинку женам и домочадцам. Впрочем, будучи народом гостеприимным, они потчуют пришельца чаем с салом, покуда тот не уходит, крестясь, восво-яси...

6. Пржевальский до того соскучился по родине, что надавал по морде своему денщику; товарищи его, растрогавшись от этой простодушной картины, схватили командира своего за руки и хором затянули песню, как по Байкалу ходят высокие волны. Пржевальский принужден был подпевать, но так был раздосадован собственной мягкотелостью, что только хрипел. «Спишь ты, брат, что ли?» — спросил наконец верный спутник его, то ли Никита, то ли Кузьма. «Нет, Иванов, не сплю», — отвечал Пржевальский по обыкновению обстоятельно. Все вздохнули с облегчением, а денщик высморкался по обыкновению простолюдинов.

7. Однажды Пржевальский усомнился, что Азия точно существует, а с нею и Монголия. Рядом случился высокий самец-верблюд, и Пржевальский, обратясь к зверю, примолвил: «Что, брат, занесло нас с тобой?» «Да что ж», — отвечал ему верблюд и огляделся, ища общества себе подобных, а лучше сказать — караван.

Благополучие, несчастье, бедность, богатство, радость, печаль, убожество, довольство суть различные явления одной гисторической драмы, в которой человеки репетируют роли свои в назидание миру.

Козьма Прутков. Плоды раздумья

Тысяча дырок (перевод с китайского) Находчивый Лю Лин

Проспавшись как-то раз и желая опохмелиться, Лю Лин спросил у жены вина. А та, не растерявшись, выплеснула вино в лицо мужа, разбила посудину, плюнула на циновку, пнула ногой соседскую скотину, вошла в уборную, отерши ноги, схватила Лю Лина под микитки и стала трясти мужа, приговаривая: «Вы у меня как улитка с горы Тан» — на что находчивый Лю Лин ничего не ответил жене.

Жуань Сянь соблюдает обычай

Жуань Сянь, его брат и дядя брата проживали в провинции Цзи. Жуань и его брат были богатыми людьми, а дядя беден, как посох. В седьмой день седьмой луны богатые Жуани вывесили для просушки узорчатые юбки и шаровары, а у дяди нашлась во всем доме ленточка для косы. Дядя Жуань Сяня вывесил свою ленточку для косы, не желая нарушать обычай.

Ван Цзы и снег

Ван Цзы был отшельником и, сидя на камне, забыл, что и как. Как-то ночью случился сильный снегопад. Ван Цзы, сидя на своем камне, посмотрел на снег, но не вспомнил, что это такое. Вдруг в запряженных санях приезжает к Ван Цзы старый друг и кричит денщику, чтобы тот пошевеливался и все выставлял на стол! Ван Цзы увидел шампанское и другие продукты и заметил: «Как государь в заботы погружен» — а салфетки старого друга принял за хризантемы.

Бедные Чуни

В царстве Чи жило семейство Чуней — беднее, как говорится, чем свисток на шее черепахи. Ничего у Чуней не было: ни своего платья, ни гвоздя, чтобы сплести хижину. Вот как-то проходил мимо их жилища старый даос, который вел за собой на серебряной цепочке журавля. Любопытные Чуни высыпали, чтобы поглазеть на небес-

ную птицу, но даос велел всем Чуням вернуться лицами на Запад и так стоять, умерив любопытство, тысячу лет. Чуни все это выполнили и, как говорится, каждый получил свою лепешку.

Кремль и его пассажиры

1. Кремль

Высокое здание Московского Кремля, ничего не скажешь. И даже не так уж высокое, но с другими не идет в сравнение; быть может, это роспись истории? или подпись? Кремль в основном выкрашен в красный цвет, в честь спокойного русского пейзажа. Что еще? Проходя мимо, каждый волен бросить в Кремль монеткой, и вот, если попадет, то вернется в Москву или хотя бы в Московскую область.

2. О Кремле

Вот спорят: сколько в Кремле комнат. Это неверно, нисколько. Внутри имеется лишь одна палата, вычищенная и приукрашенная в честь Ивана Сусанина. Иван Сусанин не дошел до Кремля, и вот построили эту палату. Иван Сусанин в основном жил в лесу и, по обычаю русского крестьянина, бил белок; встречая же медведя, не торопясь, кланялся, проговорив обязательно: «Добрый путь, Медведь Анатольевич». Может, потому его медведь и не трогал.

3. Кремлевская кошка

В 1918 году по Кремлю шлялась ядовитая кошка. Это не вымысел, к несчастью, а полная правда. Эта маленькая ловкая тварь, не имеющая с обычной кошкой ничего общего, перекусала попеременно всякого, кто по служебной надобности попадался ей на пути; даже товарищ Менжинский не избежал общей участи. В конце концов, В. И. Ленин подписал декрет, чтобы эту кошку расстреляли. Красноармейцы пошли вредительскую кошку арестовывать, выставив свои мандаты. Но из этого ничего не вышло: отлично зная расположение кремлевских комнат, дунула мимо молодых бойцов и пропала во мгле, спаслась, а все участники событий со временем умерли.

4. Кремлевские звезды

Известно, что император Наполеон носил треуголку, но выводов из этого делать не хотят. Эта треуголка не шла к его толстым ляжкам, пусть и в лосинах, так-то. Нелепый, как лютеранин, император отдавал распоряжения по-французски; а много ли надо французикам? дунь и упадут. Итак, в одну из кампаний Наполеон сидел, хмурился и размышлял. А перед ним сидел на пне русский

мужик и без переводчика показывал ему фигу. Если представить эту простую картину, то захватывает дух, будь русский или нерусский — просто захватывает дух, и все. Вот и кремлевские звезды горят, как Большая Медведица, ни у кого не спросясь, повинувшись рукам крепколобых бригадиров, — день и ночь, день и ночь...

5. Гимн

Наконец-то написали Гимн. Он начинался словами: «Уважаемые лютеране!» И вот всякий слушал и испытывал небольшой холодок. Слова для Гимна придумал мастер довольно крупного цеха; он пообещал себе вложить в эти слова какой-нибудь смысл. «Уважаемые лютеране», — говорилось в Гимне; казалось бы, довольно просто, но это бывало из глаз слезы. Как-то ночью двое алкоголиков спорили, уставясь глазами в книгу, о динамике подтекста. А по радио передавали Гимн в качестве опытного образца. Тут оба товарища встали, точно услышавши соленое словцо; оконечили, как самураи.

6. Кремлевские куранты

С 1918 года кремлевскими курантами заведует товарищ Вохов. В его обязанности входит регулярно поглядывать на часы хозяйским глазом и не давать лапоть куранты, кто бы ты ни был. В прежние времена, пока в стране были пионеры, они приставали к товарищу Вохову, чтобы тот рассказал им о революционных победах и как он защищал кремлевские куранты от юнkersов. А товарищ Вохов ласково говорил пионерам: «Прочь, бродяги!» — и те разбегались, отдавая салют. Потом все это кончилось, и вот все стали ожидать, что товарищ Вохов, когда умрет, будет занесен в Книгу почета. Но он не умер, а только окостенел, и на его нахмуренном лбу выступил светлый мох.

*Медведь вышел из сумки багряной и белой!
И прощайтесь же
И прощайтесь же
Мои с вами друзья*

7. Кремль и его пассажиры

Н. В. Гоголь писал о Кремле, подразумевая птицу-тройку; как летит она, вьется клубами над разинутыми от удивления русскими людьми... Открыты рты ветру, что скачет, крутя народы и государства, и все несется, будто чудо-еж с горы, тыча перстом: ты... ты... ты... — и далее, далее... А в кремлевских окнах торчат, вытаращившись на зарю человечества, железные вожди и их товарищи маузеры... Холодная голова, горячее сердце, чистые руки; ничего, товарищ! Но молчат железные герои, ни звона, ничего, лишь ветер играет железным прахом; прощайте, товарищи, вы сложили свои головы, и вот теперь они лежат... Кто, кто тебя выдумал, птица-тройка, и почему тебя три? Нету ответа.

Рассказы о Н. К. Крупской

1. Домашние муравьи

В доме Крупских всегда жили, на правах младших, желтые пушистые муравьи. Они селились в сахарнице, и Надежда Константиновна, засунувши туда ложку, со смехом говорила сестре, что вот опять будет чай с муравьями.

— Право? — смеялась та.

Усевшись вокруг стола, наблюдали за муравьями, особенно за маленьким, которого нянька прозвала Карлом Великим. Изюм всех домочадцев Карл Великий наметил Надежду Константиновну и бегал знакомой дорогой на высокий воротник. Крупская делала вид, что сердится, говорила:

— Фу, какой еретик, смотрите, мама.

А мать, утирая руки о передник, тоже говорила:

— Вот, родила дочь-большевичку.

Впрочем, ссорились Крупские больше для смеху; даже вещи в доме стояли дружно на своих местах; чашки, ложки... Сестра иногда только вдруг закричит, отрываясь от фортепиано:

— Наденька, к телефону!

И Надежда Константиновна спешит к телефону, и спокойно отвечает:

— Слушаю, товарищ.

Мать даже украдкой перекрестится, поглядывая на дочь со страхом.

Иные настойчиво утверждают, что жизнь каждого записана в книге Бытия.

Козьма Прутков. Плоды раздумья

2. Второе путешествие Н. К. Крупской в Полинезию

Стоял 1925, что ли, год. В Москву гости столицы завезли редкий вариант гриппа; австралийский вирус первым делом ударял в голову, потом поражал руки, ноги, так что человек не мог даже расписаться. В Наркомпросе забили тревогу; обмениваясь рукопожатиями, руководители спрашивали друг друга, где Надежда Константиновна, хотели скоординировать... Но Крупской в коридорах видно не было. Разнесся слух, что она вяжет для Ильича чулок, и это тронуло даже самых отъявленных сухарей. Наконец заметили, что Надежда Константиновна сидит в Президиуме и заполняет бланки. Придерживая руками кофточку, к ней подошла заведующая РОНО товарищ Лямкина и с горячностью возразила, что партия уж чрезмерно об них заботится, об этом не писал и Руссо. Надежда Константиновна велела Лямкиной запахнуться от коварства сквозняка, и Лямкина, тряхнувши стриженной головой, застучала ножками прочь. Крупская любовалась делегатами и делегатками, понимала, если их не будет, то кто же? Она спокойно вращала головой. Надежда Константиновна учила молодежь не бояться никакой работы; у всех и точно руки горели хоть выстругать какую-нибудь чурочку, хоть что... В апреле Крупской принесли повестку на учительский съезд. Но в доме никого не было, и красноармейцы стали искать Надежду Константиновну во дворе. Молодые ребята в буденовках пробегали по двору до обеда, называя друг другу пароль, но ничто не помогало, и все ушли обедать. Товарищи Крупской вспомнили, как она любила говорить, вращая головой: «Я старая учительница, так что ничего». Короче говоря, Крупской не могли сыскать до марта, то есть до мая. К майским праздникам, действительно, Надежда Константиновна, хотя и сама не появилась, но написала статью. Она писала о народе маори — малоопаеваемом народе — и о том, что атоллы есть не что иное, как вредная выдумка. Товарищ Лямкина законспектировала статью и призналась другим товарищам, что статья ее глубоко перепახала, так что ничего.

3. Выводы из беседы с китайскими товарищами

К Надежде Константиновне Крупской приехали товарищи из Китая. Они привезли с собой чая и разместились на ковровых дорожках, по обычаю своей страны. Надежда Константиновна спокойно разъяснила китайским товарищам, что и как. Она поручила товарищам из Тулы отвезти китайских товарищей в Тулу посмотреть. «Это будет не бесполезный урок», — заметила Надежда Константиновна. Все уехали, а Надежда Константиновна села готовить записку-ответ товарищу Блонскому, чтобы тот не прожектерствовал. «Что вы прожектерствуете? — писала она. — Что?» Крупская спорила с Блонским вот отчего. Тот оспаривал, что школа есть дело учителя. Оспаривал, оспаривал... Он говорил, что школа есть общественное учреждение. У Надежды Константиновны все волосы прилипли ко лбу в горячке спора. «Школа не есть общественное учреждение. Вернее есть не только общественное учреждение. Она есть дело учителя.» Но Блонский, считавший, что это не так, к тому дню уже умер, более не споря. А Крупская продолжала, как она это умела, вытаскивать аргумент за аргументом, приговаривая при этом свою любимую поговорку: «Что, съел? На, поешь еще».

4. Случай 24 апреля 1926 года в общественном транспорте

Надежда Константиновна Крупская решила навестить свою свекровь и вот вошла, подобрав юбки, в общественный транспорт. Тут у одного ботинка подвернулся каблук. Крупская не носила каблучков, но тут именно случился один каблук, и Крупская им попала в расщелину в полу. К ней подошел кондуктор и велел пассажирке выйти прочь из транспорта. Надежда Константиновна все спокойно ему разъяснила. Пользуясь крепким своим опытом лазутчицы, она разъяснила кондуктору, что жизнь не стоит на месте, сегодня одно, завтра другое; и что общество должно ставить задачи, а технику исполнения этих задач передавать специалистам. Рабочие и работницы, не мешкая, садились в транспорт, угрюмо ударяя друг друга локтями, а Надежда Константиновна говорила: «Здравствуйте, товарищ!» Никто и подумать не мог, что это перед ним сама Надежда Константиновна Крупская, зажатая по недоразумению в трамвайную щель; думали, что это, наверное, непонятно кто или даже ручная кладь. Случай бы и совсем забылся, если бы не известный каблук, который Надежда Константиновна со смехом предъявила делегатам районного съезда. Времени было в обрез, но каблuku посмеялись, утирая молодые лица.

5. Статья Н. К. Крупской «Мерила оценки педагога» (1932 г.)

Н. К. Крупская отдавала статьям все свободное время, даже когда в Кремле гасили свет. Раз как-то в Кремле погасили свет, и Надежда Константиновна легла на лавку отдохнуть. А служителю надо было протирать мебель. Надежда Константиновна лежит, двигает ради отдыха ногами в ботинках... Тот подходит и вежливо просит Надежду Константиновну лечь полежать на другую лавку. Крупская, ни слова не говоря, возражает: «Спасибо, товарищ, ничего, что ночь» (что-то ей пригрезилось со сна). Уборщик откозырял Крупской и, довольный, пошел к своей семье. А Крупская, качаясь после сна, наощупь добралась до стола и, не нашед табуретки, стала, наваливаясь на стол ладонями. Статья, думала Крупская, должна непременно состоять из 11 пунктов (а так после и случилось!) Важно, чтобы педагоги, не мешкая, усвоили все одиннадцать частей: первую, вторую, третью, четвертую, и далее — пятую, шестую, седьмую, восьмую. Смеясь над своей неловкостью, Надежда Константиновна все стояла, пригибаясь над столом. А по кремлевскому коридору шла дворцовая кошка. Это о ней болтали глупую и вредную выдумку, будто укус ее ядовит, и будто товарищ Зыбов, начальник охраны, умер от ее укуса. Но, во-первых, товарищ Зыбов не умер, а умер совершенно другой человек. Но того ранили еще в 1912 году кадеты осколком стекла... Н. К. Крупская завалилась боком на стол, чтобы не попасть в тиски глупой сентиментальности.

Карл Маркс

1. Карл Маркс, большая знаменитость, сидел в харчевне, лакомясь сосисками. Те небольшой грудью лежали перед ним. Съев добрую половину порции, Карл Маркс крикнул, чтобы несли еще. Проворный мальчишка, привычно отмахиваясь от мух, принес еще дюжину и выложил перед Карлом Марксом и, покуда знаменитый акробат ел, стоял перед ним, облизывая пальцы. Поев, Карл Маркс повел своим единственным глазом, огромным и лиловым, как пятак, и протянул проворному мальчишке горсть монет, которую тот тут же, приседая, и уволок. Наконец пригласили фрау

Эльзу и стали подталкивать ее к клавишам, но та до того разругалась, что стояла, потупясь и подперши грудь; ни дать ни взять, фиалка.

2. Карл Маркс мечтал стал военным, только судьба так распорядилась. Ему нравились парады, военная выправка, сапоги с плюмажем. Его отец, аптекарь, обслуживал военных без очереди, держа за красивый лацкан. Те в ответ спокойно отдавали честь, называя Марксова отца «дохтуром»... Так длилось довольно долгое время. Пришла пора и румянному сыну аптекаря взяться за ум. Набив карманы яблоками, молодой Карл пошел петлять по улице, пока не выбрел в поле. Там вились жаворонки, норовя клюнуть кумира. Карл Маркс сел передохнуть и вдруг увидел девушку, звонко кричавшую кому-то: «Отец!» Карл вскочил, роняя свои яблоки, и побежал, запинаясь и крича что-то по-немецки...

3. Карл Маркс коллекционировал бабочек, вот беда. За это его прозвали Сан Сэй. Как-то в погоне за бабочкой Карл отдал ногу неизвестному старику, но тот, не замечая, продолжал крутить шарманку. Вот принесли пива, и Карл, утирая усы, пошел выстукивать кружкой: айн-цвей, айн-цвей! — так что гости даже засмеялись, глядя на обрусевшего немца.

4. Карла Маркса за его выправку звали Синяя Борода. Расположившись полукругом, девушки любовались, как черноусый молодец поводил бровями: эйн-цвей! Фрау Эльза стояла тут же, утирая руки о передник, и шутя называла Карла Конек-горбунок. Смешливые красавицы кричали наперебой: «Угостите яблоками, херр!» — и начиналась привычная возня. Наконец являлся господин Флюгер и своим разбойничьим свистом разгонял молодежь, будучи пьян, как сапожник.

5. На портретах Карла Маркса любят изображать с бородой, как Пушкина. На деле же Карл Маркс был бородат, но не так уж... В его родословной даже вовсе не было парикмахеров, и нечего делать из человека калеку из одного только озорства, в угоду глупой условности. Нечего валить в одну кучу частную собственность, нежную дружбу и бороду, расчесанную на зависть парикмахерам, узелок к узелку...

6. Многие слышали, что у Карла Маркса был друг, писатель Энгельс. Нарвавши по букету незабудок, друзья шли домой, весело болтая по-немецки. Если, к примеру, им на пути попадалась какая-нибудь собака, оба устраивали веселую возню, так что зверь благоразумно отступал в тень яблони, давая дорогу румяным туземцам. Обыватели только цокали языками, глядя на эти игры...

И. В. Сталин в горах

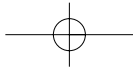
В 1904 году И. В. Сталин жил в горах, его окружали орлы. Позднее одному из этих орлов поставили памятник в Тбилиси или в Кутаиси, прямо на берегу. Скульптура называлась «Анчар», что означает по-грузински «птица». Ваятель цокал языком на скульптуру, пока не перебудил своим цоканьем весь район, так что его пришлось арестовать. Орла также арестовали, но уже не его самого, а брата, потому что в горах жив закон чести и действует по сей день. Мы, к сожалению, не так уж много знаем про орлов, больше по хрестоматиям... Этот же орел, о котором идет речь, помнил А. С. Пушкина; это была довольно старая история, весьма надоевшая из-за частого употребления. А. С. Пушкин путешествовал по своей надобности в горах. Не слишком беспокоясь об условностях, писатель свистал во все горло, подражая свисту орла. По-видимому из-за этой небрежности один из орлов поскользнулся на узкой горной дороге и молча взирал на приближающегося путника. Это и был А. С. Пушкин. В горах вообще складывается немало легенд. Главным образом, это легенды о горных источниках и о джигитах с буркой наперевес... Известно, что один из таких источников стал могилой С. М. Кирова; того угораздило делать гимнастику на самом берегу, и вот он доигрался...

Помощник В. С. Черномырдина

У В. С. Черномырдина был помощник, некто Георгий. Это был человек отъявленной храбрости, так что в конце концов он даже погиб, защищая урожай. Об этом Георгии известно, к сожалению, довольно мало — и вот непонятно, от кого он защищал урожай; колхозники высказались противоречиво, да их и не спрашивали. Впрочем, речь не об этом полумифическом Георгии, не менее интересен

и сам ученик Станиславского, Черномырдин. Как-то, два года назад В. С. Черномырдину подарили пребольшую рыбу. Подарок сделал известный шаман Елсуфьев; он молча протянул рыбу Черномырдину, приговаривая, чтобы тот держал карман шире и приседая вполколена. Черномырдин принял рыбу и по обычаю заглянул животному в пасть. Два ряда зубов и более ничего не увидел наш стрелок. Однако история на этом не заканчивается. В пасти животного что-то щелкнуло, быть может, природный механизм, и пасть закрылась, погребя в своем нутре руку Черномырдина. Не испугавшись, Виктор Степанович спокойно усмехнулся и, действуя строго по протоколу, потрепал свободной рукой рыбью челюсть, а та безответно смотрела на героя-драконоборца.

«Творчество наших читателей»

..... (автор)

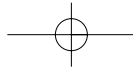
.....
(название)

«чужая жизнь»

стелоскоп 33/34-2002

Заполняется автором-читателем

стр.
45

Из эссе Александра Е. Елеукова

«О поэзии Саши Рижанина в смысле науки»

ЦВЕТОИМЕНОВАНИЕ

(Первая и вторая части эссе «Александр Елеуков и Саша Рижанин. Сложности разведения имен» и «Я – И – Не» были опубликованы в журнале «Стетоскоп» № 17 за 1997 год)

Следуя за великим натурфилософом Иоганном Вольфгангом Гете, приложите призму к пылливому оку. Ибо цвет стиха как цвет неба шелковой кисточкой гладит душу поэта и душу читающего стихи. Ибо цветоименование в стихе не трамвайный звонок для воображения, но рвущийся вовне тон сердца. Об этом следующее наше исследование.

Итак, наиболее любимы Сашей Рижаниным тона красного цвета – встречаются в 14-ти стихотворениях (из 102-х), желтого – в 10-ти стихотворениях и синего – в 9-ти. Цвета, называемые им скорее по необходимости – оранжевый, коричневый и черный, – встречаются лишь по три раза. Активность, энергия, любовь к солнцу, не признающая уныния, жалоб и самоистязания. Однако, такое знание о «певце нового оптимизма» у нас уже есть (см. часть вторую настоящего эссе). И вновь обратимся к пути поэта.

О, лучи трех звезд освещали этот путь, три духа владели этой величественной душой! Спектр первой звезды преимущественно сине-красный, в нем нет ни тона голубого и коричневого.

Мне снилось утро. И небо чумазое
С пятерни слизывало варенье зари,
И девочка, девушка, дева красная
Пускала мыльные пузыри.

Я такой милой, такой милой наяву не видел!
Да и во сне ее не разглядел.
Только помню – ничем не обидел.
Помню только – ничего не хотел.

А пузыри? Пузыри казались вечными.
А закат-мудрец сказку повторил.
А потом были звезды, звезды – вечер,
Мы играли в мыльные пузыри.

Я проснулся, а небо в красно-
оранжевой плещется заре.
Девочка, девушка, ты прекрасна!
Девушка в мыльном пузыре.

Моменты свидания и разлуки суть
для многих самые великие моменты
в жизни.

Козьма Прутков. Плоды раздумья

В ментальном сиянии этой звезды творил Саша Рижанин в Риге. Конфликт ярости и спокойствия, огненно-красная заря, разливаемая по ночному небу, ярость и восторг пробуждения, срывания тенет с лица и непослушных, незнакомых рук. Но как невразумительна земля для внимающего небу, как непредставима блеклость душного полдня для упившегося вином рассвета, так Саша Рижанин в объеме этой дивной сферы поглощен яростным желанием спокойствия и созерцанием скапливающегося ПРОТЕСТА.

Может быть, это бред.

Остановились часы. А
время шло или нет?

Что-то, наверно, случилось.

Я курю «Беломор»,
дымные замки строю.

Синие маки роем
бросились на костер,

но от жары, от боли
взвыли, запричитали!

Новое что-то, что ли?
Все мы когда-то летали.

Ах, отгорев, отплавав,
замерли на столе
венчики синих маков.

Им уже двести лет.

И погасла синяя звезда на красном небе, и дух голубизны объял его. Чистое парение в горних высях, ничуть черного, ничуть серого не было в этих крылах, но абсолютная слиянность с полдневным небом.

Очень тягостно видеть не тальник,
а кристаллы сухой ольхи
мне — прозрившему мир хрустальный
и его голубые сполохи.

«В этом городе мрачных линий
все повываженело!..» —
я кричал. На меня не злились —
поотвыкли от лютых слов.

Успокаивали неловко,
но, пожалуй что, от души:
«Скоро городу будет обновка —
расцветут синесветые лампы!..»

Это цвет второго этапа пути Саши Рижани-
на — ленинградского этапа, времен «Берестяной
книги». Медитация на голубизне — суть порыв от
обстоятельств бытия к надмирной гармонии,
пребывающей в своей недостижимой вышине.
В такой ЗАДУМЧИВОСТИ движения облаков
есть, видимо, некая истязательность...

«Мир — вытарщенный глаз или, что одно
и то же для Отражения Девушки, стеклянный
дом с голубыми сполохами рисунков. Иной
мир — наивный, выкроен для блудницы-девочки
сердцем травы, пробившейся сквозь асфальт.»

И сник голубой дух, истощившись в себе,
и с началом третьего этапа — времен книги
«СТРАСТЬ» — обернулось сердце поэта к другой,
зеленой звезде — звезде степного малахита, вы-
горевшей на солнце травы и подводных обус-
ловленностей.

Враз взнемотствовала пантомима.
Все твое — плащ, походка, взгляд
В каждой встречной и в каждой мимо...
Я по стенке и я — назад.

Почему мне такие игры?
Почему я опять заболел?
«Распластались зеленые икры...» —
Пальцем на запотевшем стекле

Торопливо, нечетко, криво...
Я по стенке и я — назад.
В каждой встречной и в каждой мимо
Все твое — плащ, походка и взгляд.

стр.

48

Смерть для того поставлена в кон-
це жизни, чтобы удобнее к ней
приготовиться.

Козьма Прутков. Плоды раздумья

В свете этой звезды, зеленеющей и блекнущей, жил, творил и умирал Саша Рижанин. В контексте наблюдения дня по изменению неба можно было бы сказать «последний луч перед закатом», но это был цвет травы, цвет обращения к реальности, к существованию жизни.

Видишь, девочка, — стрекоза
Все кружит, как перо, как нажим.
Все, что хочется мне сказать —
Убежим, убежим, убежим!

Про далекий степной малахит
Мне сегодня рассказывал лень
И ругал на чем свет стоит
Эту глупо кружащую жизнь.

Убежим! — от стрекозских глаз.
Убежим! — от кружащей лжи.
Убежим, убежим, убежим! —
Повторяю я триста раз.

Полностью спектр этой звезды выглядит так — зеленый и красный при отсутствии оранжевого и фиолетового. Как знать, может быть, именно это цветосочетание привело поэта к концу; может, сочетание зеленой терпкости и красной сладости было губительно для него, как знать? И вот — порыв к истинному и блуждания по окровавленной траве, апельсины и баклажаны воображения, передрагоценное небо и катартические потоки утренних лучей солнца — и вот — как это перенести!

Инь и Ян поэтического дара — черный и белый цвета, серый цвет — проза, зрелость, УМИРАНИЕ. И на третьем этапе серый цвет берет верх над белым и черным. Стих блекнет, все меньше цвета, все меньше страсти — старость, не несущая очищения и успокоения.

Я приду, надев потертый китель
Деда, помершего в прошлом феврале
От пустой судейской волокиты
Об уплате старых векселей.

Ты мне скажешь резко: «Эт-то... знаешь!»
Я отвечу гордо, но в тоске:
«Ты опять меня не понимаешь!»
И — растаю в сером далеке.

И что? — столкновение с жизнью, боль и обида?

Такие лунные дела
Струились полночью туманящей!
В звезду гляделся сумрак тающий...

Но я разбрызгал зеркала.

Я был — закручивал блаженного,
Потом — ловил простой мотив,
Потом — лежал в объятьях слив.

Я был — скаженностью узвезженный.

А прощелыгу без прощения,
Что нынче убежал повешенья,
Ночь прочитает с выражением.

Он вдоль заборов — песней вещей.

Содержание журнала
«Стетоскоп»
з а 1 9 9 3 - 2 0 0 2 г о д ы

Стетоскоп № 1, «Маленький журнал русской речи за рубежом»

Богатырь (Париж, — художник, поэт, перформер). **Яйцо** (потусторонне-каллиграфическая повесть)
Л. Петроградский (С.-Петербург, — джазовый пианист, перформер). **О сущности структурно-динамических текстов** (эссе)
Велосипедист Е. (СПб, — перформер, лингвоартист). **Шахматка обвинений в беспочвенности** (структурная проза)
Митрич (Париж, — художник, издатель). **Структура слуха. Динамика слуха** (визуальная поэзия)
«Удоменщик» (Удовкин Александр). **О литературном стиле** (эссе)
Михаил Богатырев (Париж). **Реклама областного автобуса** (стихи)
В. Жирнов и Евдоким Анатольев (СПб, — тандем поэта и литературного критика). **Книга КниГОХ** (анонс)

Стетоскоп № 2, «Маленький журнал русской речи за рубежом»

Павел Фенев, Александр Удоменщик, Олень и Яков (под редакцией Богатыря, С.-Петербург, Всеволожское ЛитО). **Ногти** (искусствоведческий коллаж)
Митрич (Париж). **Визуальная поэзия**
Богатырь (Париж). Три поэмы вне жанра: **Утлое лото, Эмбриональные мысли прачки, Муравей**
В. Жирнов и Евдоким Анатольев (С.-Петербург). **«Ф»** (поэма артикуляции)

Стетоскоп № 3, «Маленький журнал искоренения русской грамоты за рубежом»

Богатырь (Париж). **Ремни и камни** (визуальные песни)
«Удоменщик» (Удовкин Александр, С.-Петербург). **Графическое исследование романов «фэнтэзи»**
Аноним. **На трубах** (рассказ)
Анатольев Евдоким (С.-Петербург). **Разговор обо всем** (визуальная притча)
Митрич. **Докладные записки о современности** (визуально-психоделическое эссе)

Стетоскоп № 4, «Маленький журнал психоделической литературы и графики»

Удоменщик А. **Проверка спящих** (отчет Института чужих сновидений)
Жирнов В. **Числа** (графический ребус)
Богатырь. **Новое зрение** (логотипы сентиментального сна)
Митрич. **Проекты поступков Митрича**

Стетоскоп № 5, «Искусство бытописания»

Богатырев Михаил, с илл. Митрича. **Стихи**
Митрич и Богатырь. **Ремонт номерА** (шрифтовая проза)
Анатольев Е. **Разговор обо всем** (визуальная притча, продолжение)
Митрич. **Записки Масштаба Масштабовича** (психоделическое эссе)
Богатырь. **Рассказы про Павла Дементьевича** (проза на карточках)

Стетоскоп № 6, «Поэтика смерти и нищеты»

Анонимные материалы из коллекции Митрича:

1. **Галерея замечательных нищих** (спонтанно-каллиграфическое искусствование)
 2. **Чемпионат проб и ошибок** (ритмопроза + звукоподражательное начертание)
- В. Жирнов и Евдоким Анатольев. **Книга КнигОХ**
Слолофф Франсуаза. **Речь** (стихи)

Стетоскоп № 7, «Журнал хаотической речи. Насекомые в терминах библиографии»

Честны Тибор (Ужгород, — поэт-эксцентрик). **Рецензия на книгу Т. Честны «Памятники народного бортничества»**

Мухин Роберт (СПб, — поэт-эксцентрик). **Обвинение в плоской смерти** (импровизация на темы Ницше и Белого)

Богатырь. **Признаки** (метафорическая проза редактора)

Митрич. **Визуальная поэзия**

Никитин В. (Владивосток, — художник-шрифтовик, поэт). **Маленькие рассказы**

Богатырь. **Я ничего не обещаю** (стихи)

Стетоскоп № 8, «Маленький журнал абсурдодиагностики речи за рубежом»

Аноним, В. Жирнов, Е. Анатольев. **Невольные каллиграфии** (стихи)

Элементарных Владимир (С.-Петербург, поэт). **Три русских облика Лао-Цзы** (максимы)

Меликян Сурен, Т. Глебова и В. Стерлигов (Париж, — коллекционер). **Мысли**

Удоменщик, Роберт Мухин. **Танцы на Молховлаповом побережье** (пьеса)

В. Жирнов. **Гладильные доски. Хорошо** (малоформатная проза)

М. Богатырев, Ольга Платонова. **Афоризмы**

Стетоскоп № 9, «Без подзаголовка»

А. Е. Емутьев. **Тонкая нить** (антидневник)

Стетоскоп № 10, «До-речь и архаический алфавит»

Богатырь. **Разрезная азбука**

Удоменщик А. **Иероглиф «Белый ТЖУХО»**

Жирнов В., Анатольев Е. **«Ф»** (конспект архаической артикуляции)

Митрич. **Наивный Иван. Кванты наивности** (визуальная поэзия)

Л. Петроградский. **Образцы изоистической продукции братьев Червяк**

Никитин В. **Вязников. Мукомол** (визуальные притчи)

Элементарных Вл. **Кузьма** (визуальная притча)

Мухин Роберт. **Схема смеха**

Велосипедист Е. **Смеются два старика** (стихи)

Стетоскоп № 11, «Маленький журнал уничтожения русской речи за рубежом»

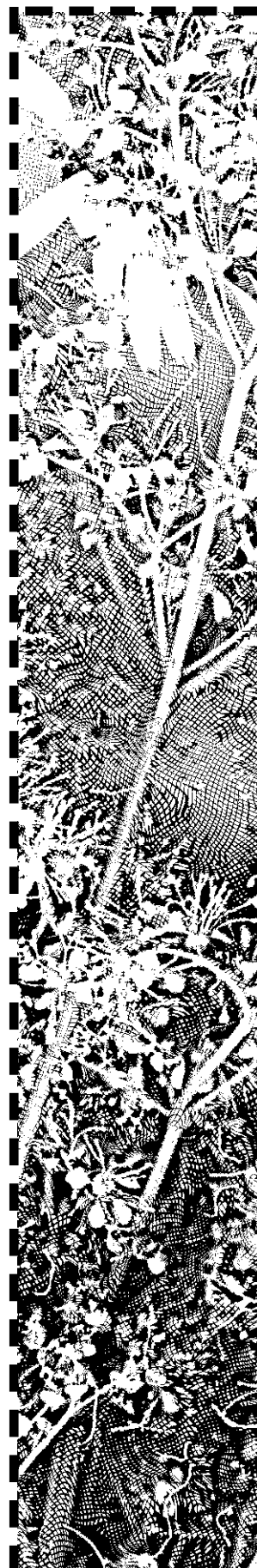
Михаил Богатырев. **Обзор афазической литературы. Поэтика виньетки** (спонтанный обзор с использованием рукодельных книг Удоменщика, Павла Фенева и Жухмена Мбанга)

Аноним. **Обзор книги Дж. Эванса «Старое зеркало семьи Эвансов»**

Жирнов В. **Прелюдии Эроса** (вступительная статья и послесловие Е. Анатольева)

Удоменщик. **Обложки**

Шадуро Александр (С.-Петербург/Москва, — психолог-преподаватель). **Илья Кабаков** (анонс, — статья опубликована в «Русской Мысли» № 4080)

Стетоскоп № 12, «Белый шум. Маленький журнал уничтожения русской речи за рубежом»

Платонова Ольга. **О визуальной поэзии**

Никитин В. **Заставки к миниатюрам**

Жирнов В., Анатольев Е. **Двигательные тексты – отдельные тексты** (эксцентрические стихи)

Богатырев М. **Обзор книжных редкостей** (из частных парижских библиотек)

Хвостенко А., Волохонский А. (Париж/Кельн, – тандем двух поэтов). **По случаю пирога** (поэма)

Богатырь, с илл. А. Путова. **Случай на консервном заводе**

Хвостенко А., Волохонский А. **Проект журнала «Обрыв» с комментарием Кароль К.**

Малахова Маша (Гренобль, – библиограф, филолог). **YES** (стихи)

Удоменщик. **Песни стрекоз** (визуально-фонетическая композиция)

Зейтунян-Белоус Кристина (Париж, – художник, переводчик, редактор журнала LRS). **Паук. Муха** (стихи)

Кароль К. (Париж, – поэт, инсталлятор). **Лиля. Полина** (медиумическая проза)

Бодрийяр Жан. **Безмятежные воспоминания** (перевод и илл. Митрича и Богатыря)

Стетоскоп № 13, «Против-о-речие. Маленький журнал уничтожения русской речи. Воображаемые языки и мета-библиография»

Сапгир Генрих. **Стихи на неизвестном языке**

Кароль К. **Медиумическое письмо**

Богатырев Михаил. **Из дневника эзотерика** (новеллы)

Горный Евгений. **Замечания о термине «постмодернизм»**

Митрич. **Шары и брусья** (проект инсталляции)

Лемэтр Морис. **Сады словесности** (визуальная поэзия)

Фенев Павел и другие. **Рукописный журнал «Черточка»**

Чури Крейг. **Стихи** (перевод Ирины Машинской (США, – поэт)

Элементарных Владимир. **Векторы** (визуальная поэзия)

Хвостенко Алексей. **Jeu de raime** (верлибры)

Удоменщик А. **Виньетки к ненаписанным песням**

Митрич и Богатырь. **Толченые гении** (записи на фармацевтических карточках)

Архимандрит Киприан. **Выписки из библиографии** (публикация А. Лебедева)

Сергей Шаршун. **Шепотные афоризмы**

Карпинская Ирина. **Волапюк, или...** (эссе о воображаемом языке)

Богатырев Михаил. **Азбука Морзе** (обзор книг парижских художников В. Вальгрека, Ноэма, И. Шелковского)

Рублев Иван (Париж, – журналист). **Пафос невежественности** (заметка о сборнике «Замещенное слово»)

Стетоскоп № 14, «Я в тени молчания. Маленький журнал уничтожения русской речи за рубежом»

Очеретянский Александр (США, – поэт, издатель журнала «Черновик»). **В начале была белая стра-ница** (эссе)

Лебедев Андрей. **Лирическая проза...**

Монтиглио Сильвия. **Провозглашение эвфемии и музыка авлоса** (диссертация)

Кароль К. **Поэмка «смятения»**

Элементарных Владимир. **На сцене театра молчания** (визуальное эссе)

Богатырев Михаил. **Искание о природе молчания** (эссе)

Митрич и Богатырь. **Le blanc sur blanc** (проект тишины)

Велосипедист Е. **Их книг** (Каллиграфическая запись притч)

Стетоскоп № 15, «До востребования. Маленький журнал уничтожения русской речи за рубежом»

Булатов Дмитрий (Кенигсберг, — лингвоартист, издатель). **Реконструкция архива** (эссе)
 Аккерман Самюэль (Париж, — художник). **Улей парадигм** (графическая подборка)
 Чалаев Камиль. **Из архивов Свободной Академии**
 Титов Юрий (Париж, — художник). **Упакованные события** (графическая подборка)
 Богатырь. **Декрет Совнаркома** (текст-инсталляция)
 Кароль К. **Линда** (рассказ)
 Нечаев Вадим. **Побег на родину** (отрывок из романа)
 Рижанин Саша (СПб, — поэт). **Стихи**
 Кобринская Лариса (Хьюстон, — поэт). **Стихи**
 Горичева Татьяна (Париж, — философ). **О «негативном богословии»**
 Бодрийяр Жан. **Общество потребления** (отрывок из книги, пер. Е. Каврайской, А. Лебедева)
 Коллектив авторов. **Манифест СТОП-арта**
 Митрич. **Книги о художниках**
 Зайцев Алексей — Богатырев Михаил. **Недоверие к культуре...** (беседа)

Стетоскоп № 16, «Стой, записать! Маленький журнал уничтожения русской речи за рубежом»

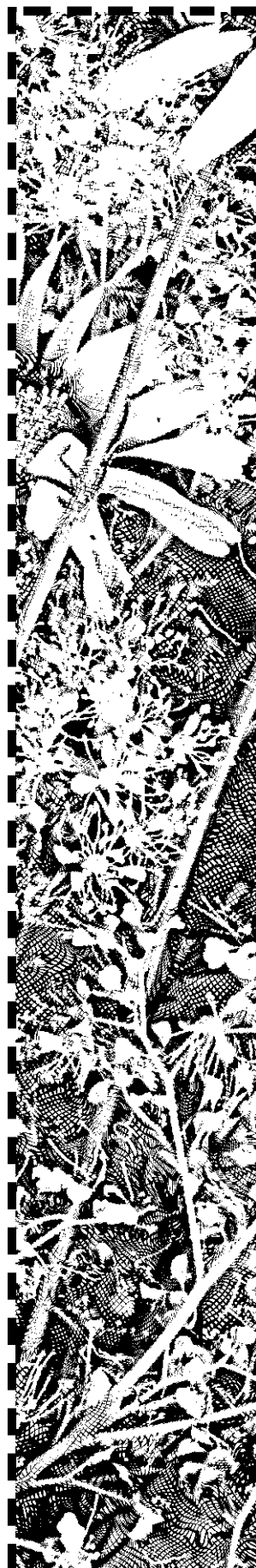
Мария Смирнова-Несвицкая. **Псевдопьеса**
 Кароль К. **Маша** (эпистолярная новелла, илл. Юрия Гурова)
 Михаил Богатырев. **Нежелание говорить об Алене**
 Антон Козлов. **Besame tucho**
 Виктор Иванів. **Разговор (это заумь)**
 Сергей Иванов. **Вторая жизнь Омара Хайяма**
 Чу-жой. **Два стихотворения**
 Митрич. **Книги о художниках**
 Ирина Карпинская. **Дыр-бул-тых!**
 Дмитрий Булатов. **Визуально-поэтическая идея** (реконструкция архива)
 От редакции. Богатырь. **Крик из чужого архива**

Стетоскоп № 17, «Числа. Маленький журнал уничтожения русской речи за рубежом»

Манук Жажоян. **Стихи**
Почему № 17? Избранные места из десяти тысяч редакционных «почему»;
 Д. А. Пригов. **Стратификации**
Деньги в картинках и числах (примечания А. Очеретянского к восьмому разделу доклада Е. Горного «Журнал «Черновик» как явление русского (пост)модернизма»)
 А. Елеуков, Евд. Анатольев. **Сложности разведения имен: Александр Елеуков и Саша Рижанин**
 А. Елеуков. **О поэзии Саши Рижанина в смысле науки**
 Камиль Чалаев. **Ключи к семи печатям планет**
 Дик Хиггинс. **Графема**
 Елена Кацюба. **Петля времени и другие стихи**
 Михаил Богатырев. **Артикуляции**
 Александр Зелинский. **О природе пустот**
 Петя Птах. **«Посчитав, что в моих стихах...»**
 Андрей Лебедев. **Патер из Сен-Санаари**
 В. Лери. **Поэтический вечер**
 Алексей Зайцев. **Пастушок**

Стетоскоп № 18, «Записи химическим карандашом. Маленький журнал созидания прямой и косвенной речи»

Мария Смирнова-Несвицкая (СПб). **Батай и тетя Маруся**
 Ольга Платонова (Париж). **Опровержение Декарта**
 Андрей Гусев (Дюльмен). **Горнист**
 Михаил Богатырев. **Коллекция слов и объектов: Пропажа. Искусство птиц. Париж после бритья**
 Ирина Машинская. **Стихи**
 Юлий Гуголев (Москва). **Зримые вещи**
 Фагот — Александр Бутузов (Москва). **О дядях и тетях**
 Лариса Кобринская (Хьюстон). **Из книги «Немота»**
 Мария Смирнова-Несвицкая (СПб). **Поздравления**
 Дмитрий Авалиани (Москва). **Блаженство**
 Вацлав Адамович Стукас (Бухарест). **Клепсидра**
 Кристина Зейтунян-Белоус (Париж). **Афоризмы о смерти**

Стетоскоп № 19, «В мире животных: ветеринарно-животноводческий вестник. Журнал культурного чтения для сельских ветеринаров»

Из жизни редакции: **Уничтожение русской речи за рубежом**
Михаил Богатырев. **Из книги «Олень Бальтазар». Охотники**
Андрей Гусев. **Охота**
Андрей Лебедев. **«К сорока годам...»**
Валентин Воробьев. **Васька-Фонарщик** (биография В. Я. Ситникова)
Сергей Тетерин. **Стихи и прочее**
Юрий Кантор. **Анатомо-поэтическая композиция**
Кира Сапгир. **Птичий рынок**
Надежда Сдельникова. **Писание стихов. Бычок, Рак, Овца и другие**
Алексей Смирнов. **Убьем насекомых**
При оформлении номера использован учебник биологии для 7-8 классов средней школы

Стетоскоп № 20, «Полезные советы для заблудившихся в собственном доме. Журнал полезного чтения»

Митрич+Богатырь. **Лабиринт как шахматная задача**
Кира Сапгир. **Клиника доктора Казотта**
Виктор Иванів. **Три голубя сели на ветку**
Наталья Горбаневская. **Новые стихи**
Михаил Богатырев. **Модус Номофобос**
Вацлав Стукас. **Хокку**
Манук Жажоян. **Среди окружения**
Валентин Воробьев. **Васька-Фонарщик**
Камиль Чалаев. **Мумия с полуслова**
Бесполезные сетования (бывшая «Редакционная почта»)
Елена Шаламова. **Проблема лакунности сознания**

Стетоскоп № 21, «Маленький журнал созидания прямой и косвенной речи»

Митрич+Богатырь. **Музей будущего**
Толстый. **Одно стихотворение**
П. Птах. **Телеология лепета**
Алексей Хвостенко. **Степные песни**
Лариса Кобринская. **«Ничто не связывает нас...»**
Алексей Смирнов. **Сквозняк**
Михаил Богатырев. **Легенды и мифы петербургской интеллигенции**
Мария Смирнова-Несвицкая. **Воспоминания Маши Ошибкиной**
Татьяна Горичева. **Письма о любви**
Елена Лопушанская. **Русские миражи XX века**

Стетоскоп № 22, «Маленький журнал созидания прямой и косвенной речи»

Вильям Бруй, д-р Грабов. **Из книги «EX ADVERSO»**
Александр Чукаев. **Жизнь, отравленная советской империей на ветру**
Рафаэль Левчин. **Эндимион**
Андрей Грицман. **Наедине с собой**
Алексей Ивин-Конь. **День седьмой**
Михаил Богатырев. **Музыкальная пауза** (из книги «Волонтеры»)
Вацлав Стукас. **Три синопсиса сюжетов**
Олег Постнов. **Либретто**
Михаил Богатырев. **Титов, или Жизнь сквозь пальцы** (заметка о беспредметном архиве Ю. Титова)
Иван Рублев. **Отшельник** (наброски к портрету Ю. В. Титова)
Валентин Воробьев. **Поправки к биографии художника Юрия Титова**
При оформлении журнала использованы рисунки Митрича и Богатыря, Александра Путова и Кристины Зейтунян-Белоус

Стетоскоп № 23, «Маленький журнал созидания прямой и косвенной речи»

От редакции. **Зачем мы пишем?** (анкета для начинающего автора)

Артур Молев. **Два стихотворения**

Елена Камаева. **Людочка**

Тамара Ветрова. **Осколки**

Андрей Гусев. **Попытка**

Алексей Смирнов. **Далеко-близко**

Митрич. **«Эти люди...»**

Олег Соханевич. **«Выйдя на горку крутую...»**

Лариса Черникова. **Музыка**

Слава Ардашев. **Про это**

Кирилл Тер. **Револьвер**

Наталья Горбаневская. **Уходящие реалии** (из автокомментария)

При оформлении журнала использованы рисунки Митрича, Богатыря и Юлии Беломлинской

Вместо стетоскопа СтеРеоскоп № 24, «Маленький журнал полезного чтения»

Надежда Сдельникова. **Итак, стих...**

Константин Кузьминский. **Проводы, проводы...**

Олег Соханевич. **Стихии**

Михаил Богатырев. **Коробки**

Кароль К. **Способы действия**

Митрич. **Милитаристские мечтания**

Валентин Воробьев. **Кинетические игры футуролога Нуссберга**

Николай Павловский. **Начало Арт-клоша**

Эдуард Штейнберг. **«Бороде с любовью...»**

Владимир Титов. **Манифест**

Владимир Некрасов. **Кредо**

Владислав Красновский. **Дивертисмент**

Ирина Врубель-Голубкина. **Письмо Валентину Воробьеву**

Стетоскоп № 25, «Маленький журнал созидания прямой и косвенной речи»

Анатолий Ливри. **Французский Феникс**

Сергей В. Соловьев. **Опасные связи-2**

Нина Божидарова. **Долгая зима**

Александр Елеуков. **Язык, речь и постоянная игра на рояле**

Михаил Богатырев. **С языка срывались слова...** (изофонограмма)

Толстый. **Деньги – это вирус СПИДа...**

Из серии «Творчество наших читателей»

Митрич. **Пушкинские чтенья**

Михаил Король. **Invalides**

Генрих Сапгир. **Из последних стихов**

Кира Сапгир. **Памяти учителя**

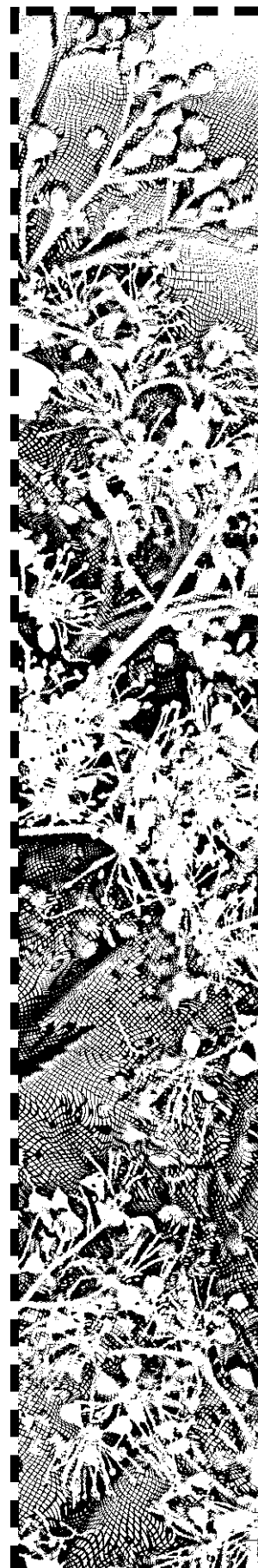
Илья Бокштейн. **Тетрадь литературной критики «Ларикрит» (Larikrit)**

Владимир Тарасов. **Памяти Ильи Бокштейна**

Игорь Ситников. **Читая Степуна**

Федор Степун. **Душа России и дух интеллигентского ордена**

Кароль К. **О «Вехах Вех»**

±Стетоскоп № 26, «Маленький журнал созидания прямой и косвенной речи»

Сергей Болмат. **Сами по себе**
Алексей Ивин-Конь. **Пепельная среда**
Александр Бараш. **Саксонский берег**
Чу-жой. **БУДЛУБ-2**
Гали-Дана Зингер. **Приглашение ТПРУА**
Михкель Кунигас. **Год мессии**
Владимир Тарасов. **Птаху**
Рафаэль Левчин. **Рыбы**
Йоэль Регев. **Песни нисхождения тела, лишённого органов, к последнему плаванию**
Некод Зингер. **Кривые зеркала Иерусалима**
Митрич. **Четыре неоконченных романа**
Из серии «Творчество наших читателей»
Александр Чукаев. **Когда**
Андрей Лебедев. **Современная литература русской диаспоры во Франции?** (инвентаризация)
Кароль К. **О «Вехах Вех»**

±Стетоскоп № 27, «Маленький журнал созидания прямой и косвенной речи»

А. Афанасьев. **Город**
Игорь Ситников. **Христианство и римский закон**
Рене Лавокат. **Первоначальное состояние человека и первородный грех**
Камиль Чалаев. **Псалмодедрон**
Митрич. **«Тогда сказал я: вот, иду...»**
Вагрич Бахчанян. **Суета сует**
Алексей Батусов. **Современные корпоративные PR-технологии**
Андрей Лебедев. **Состояния – решения**
Тина Георгиевская. **Проповедь**
Из серии «Творчество наших читателей»;
Кароль К. **Глагол**
Некод Зингер. **Из записной книжки неозеклектика**
Андрей Тозик. **Между строк**
Кароль К. **О «Вехах Вех»**
Михаил Богатырев. **Внутреннее название** (из записей в ревизских сказках)

±Стетоскоп № 28, «Палимпсест. Сборник невидимых текстов»

От составителей
Михаил Богатырев. **Невыносимая яркость бытия**
Кароль К. **Интермедиада силентиума**
Андрей Лебедев. **Энтропомахия, или полемический каталог**
Митрич. **Размышления о беличьей кисти**
Игорь Косвитин. **Читая Федорова**
Юрий Титов. **Строительство Трои**
Павел Фенев. **Без остановки** (записки станционного смотрителя)
Камиль Чалаев. **Челобитная чужого человека**
Александр Чукаев. **«Там, где...»**
При оформлении журнала использованы рисунки Митрича.

±Стетоскоп № 29, «Маленький журнал созидания прямой и косвенной речи»

Михаил Богатырев. **Без права переписки**
Вилли Мельников. **Вышивка шипящими на муфтолинге**
Анри Волохонский. **Былая красота и ее следы**
Митрич. **Гужевые воробьи**
Рафаэль Левчин. **Магазин предметов**
Марк Гейликман. **Над городом**
Ашот Ашот. **Надо быть птицей**
Виктор Игнатенко. **Забывать?**
Юрий Кац. **Манифесты антимифа**
Анатолий Ливри. **Крик в ночи**
Арон Шнеер. **Из рассказов штурмбаннфюрера**

±Стетоскоп № 30, «Маленький анонимный журнал»**От редакции**Аноним В 2/3. **Письма об искусстве**Страницы поэзии. **Аноним Р.**Страницы поэзии. **Аноним А2М**Страницы поэзии. **Аноним ХВ**Страницы поэзии. **Аноним Х Фелицианович В**Страницы поэзии. **Аноним А2М**Страницы поэзии. **Аноним RL**Велосипедист Е. **Малые формы языковой бесконечности****Аноним 95**Кто-то ибн Чей-то. **Надписи на околице, или точки соприкосновения с миром**Аноним А-2В5. **Страницы из дневника**Аноним L (V). **Ночью в курилке** (видеоряд)Аноним S5=C6. **Две импровизации в формате CD**Аноним В4. **Зверь**Аноним а-ЛАН8. **Гибель бухгалтеров****Аноним А5К6**М+Ю. **Полифоническая словесность**Аноним И 78/17. **Призрак**Аноним 7 IBM. **Письмо в редакцию журнала****±Стетоскоп № 31, «Место текста»**Михаил Богатырев. **Ящик**Богатырь. **Станционные песни**Игорь Лоцилов. **Стихи**Мария Смирнова-Несвицкая. **Воспоминания Маши Ошибкиной**Сергей Шаталов. **Не картина**Сергей Тиханов. **«А так все хорошо начиналось...»**Митрич. **Вдалеке**Денис Иоффе. **Забывая Фуко**

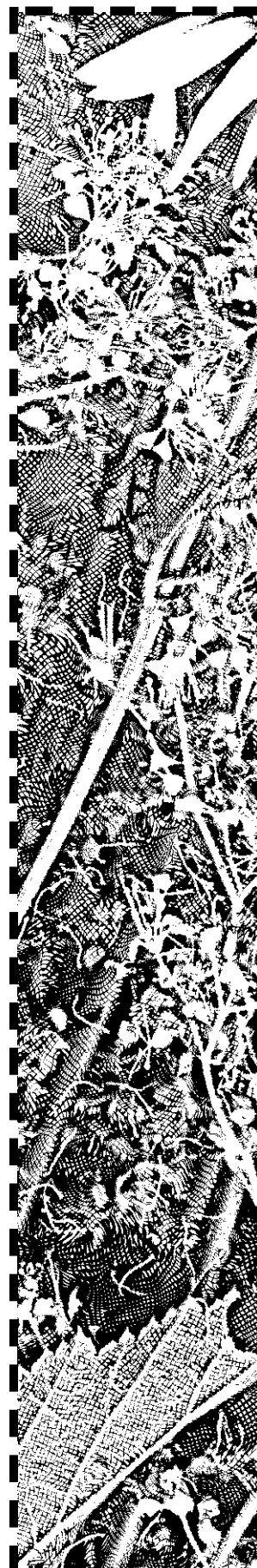
При оформлении номера использованы рисунки Митрича

±Стетоскоп № 32, «Следы вещей»Евгений Даенин. **Мобилевская речь и другие**Мария Смирнова-Несвицкая. **Воспоминания Маши Ошибкиной** (окончание)**Саша Рижанин. К выходу Полного Собрания Сочинений**Анна Глазова. **Рассказы и стихи**Юрий Проскураков. **Опусы старой тетради**Митрич. **Возьмем, к примеру, грызунов**Рафаэль Левчин. **Юг** (непозма)Виктор Иванов. **Похороны** (стихи)Творчество наших читателей. **Чистый лист**Михаил Богатырев. **Эхо механической лестницы**Ирина Машинская. **Поэт как пациент. К вопросу о занимательном цветаеведении**

При оформлении журнала использованы графемы Александра Елеукова.

Стетоскоп № 33, «Чужая жизнь»Валентин Воробьев. **Друг Земного Шара!**Вацлав Ас. **Подражания**А. И. Гурфинкель. **О друзьях и приятелях**Неизвестный автор. **Ровно тогда как сомкнется...**Вилли Мельников. **Стихи на муфтолингве**Александр Елеуков. **Дом**Митрич. **Происшествие**Ирина Даурова. **Один день Александра Сергеевича**Творчество наших читателей. **Чистый лист****Первые Стетоскоповские чтения в Санкт-Петербурге** (заметки М. Смирновой-Несвицкой)

При оформлении журнала использованы графемы Александра Елеукова и рисунки Александра Пушкина

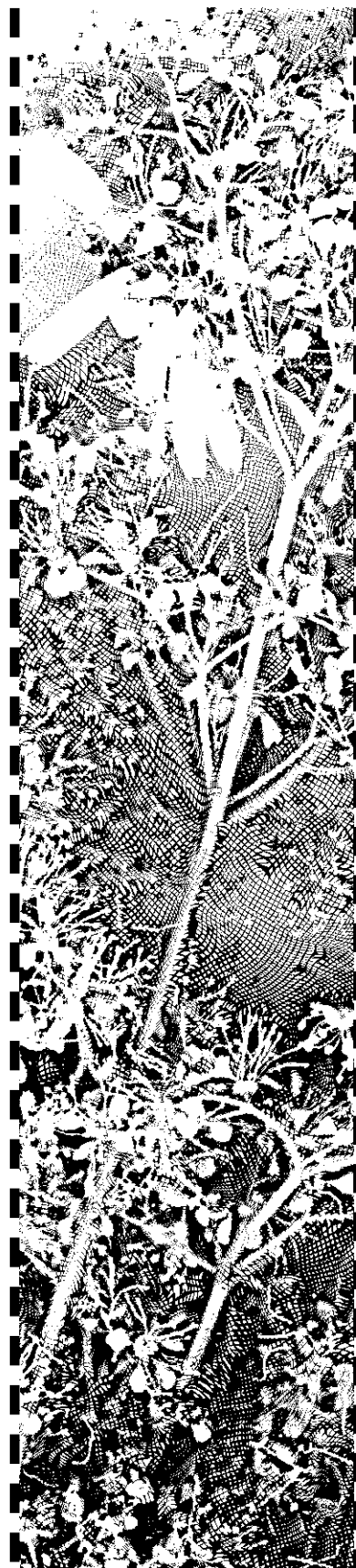

Список авторов журнала «Стетоскоп»

(в скобках – номера журнала «Стетоскоп», в которых опубликованы произведения данного автора)

Авалиани Дмитрий	(18)	Зелинский Александр	(17)
Аккерман Самюэль	(15)	Зингер Гали-Дана	(26)
Анатольев Евдоким	(1-3, 5, 6, 8, 10, 12, 17)	Зингер Некод	(26, 27)
Аноним	(3, 8, 11, 30)	Иванів Виктор	(16, 20)
Ардашев Слава	(23)	Иванов Виктор	(32)
Ас Вацлав	(33)	Иванов Сергей	(16)
Афанасьев А.	(27)	Ивин-Конь Алексей	(22, 26)
Ашот Ашот	(29)	Игнатенко Виктор	(29)
Бараш Александр	(26)	Иоффе Денис	(31)
Батусов Алексей	(27)	Камаева Елена	(23)
Бахчанян Вагрич	(27)	Кароль К.	(12, 13, 14, 15, 16, 24-28)
Беломлинская Юлия	(23)	Кантор Юрий	(19)
Богатырев Михаил	Карпинская Ирина	(13, 16)
.....	(1, 5, 8, 11-14, 16-25, 27-29, 31-32)	Кац Юрий	(29)
Богатырь	(1-7, 10, 12-16, 20, 21, 31)	Кацюба Елена	(17)
Бодрийяр Жан	(12, 15)	Кобринская Лариса	(15, 18, 21, 34)
Божидарова Нина	(25)	Козлов Антон	(16, 34)
Бокштейн Илья	(25)	Король Михаил	(25)
Болмат Сергей	(26)	Косвитин Игорь	(28)
Бруй Вильям	(22)	Котельников Иван	(34)
Булатов Дмитрий	(15, 16)	Красновский Владислав	(24)
Бутузов Александр – Фагот	(18)	Кузьминский Константин	(24)
Велосипедист Е.	(1, 10, 14)	Кунингас Микхель	(26)
Ветрова Тамара	(23, 34)	Лавокат Рене	(27)
Волохонский Анри	(12, 29)	Ле Александр	(Стетоскоп-Forever)
Воробьев Валентин	(19, 20, 22, 24, 33)	Лебедев Андрей	(13, 14, 17, 19, 26-28, 34)
Врубель-Голубкина Ирина	(24)	Левчин Рафаэль	(22, 26, 29, 32)
Гейликман Марк	(29)	Лемэтр Морис	(13)
Георгиевская Тина	(27)	Лери В.	(17)
Глазова Анна	(32)	Ливри Анатолий	(25, 29)
Горбаневская Наталья	(20, 23)	Лопушанская Елена	(21)
Горичева Татьяна	(15, 21)	Лоцилов Игорь	(31)
Горный Евгений	(13, 17)	Малахова Мария	(12)
Грабов д-р	(22)	Машинская Ирина	(18, 32)
Грицман Андрей	(22)	Меликян Сурен	(8)
Гуголев Юлий	(18)	Мельников Вилли	(29, 33)
Гурфинкель А. И.	(33)	Митрич	(1-7, 10, 13-16, 20, 21, 23-29, 31-34)
Гусев Андрей	(18, 19, 23)	Молев Артур	(23)
Даенин Евгений	(32)	Монтиглио Сильвия	(14)
Даурова Ирина	(33)	Мухин Роберт	(7, 8, 10)
Елеуков Александр	(17, 25, 33, 34)	Неизвестный автор	(33)
Емульсиев А. Е.	(9)	Некрасов Владимир	(24)
Жажоян Манук	(17, 20)	Нечаев Вадим	(15)
Жирнов Владимир	(1, 2, 4, 6, 8, 10-12)	Никитин В.	(7, 10, 12)
Зайцев Алексей	(15, 17)	Очеретянский Александр	(14, 17)
Зейтунян-Белоус Кристина	(12, 18, 22)	Павловский Николай	(24)

Петроградский Л.	(1, 10)
Платонова Ольга	(8, 12, 18)
Постнов Олег	(22)
Пригов Д. А.	(17)
Проскуряков Юрий	(32)
Птах Петя	(17, 21)
Путов Александр	(22)
Регев Йозель	(26)
Рижанин Саша	(15, 32)
Рублев Иван	(13, 22)
Сапгир Генрих	(13, 25)
Сапгир Кира	(19, 20, 25)
Сдельникова Надежда	(19, 24)
Ситников Игорь	(25, 27)
Смирнов Алексей	(19, 21, 23)
Смирнова-Несвицкая Мария	(16, 18, 21, 31-33)
Соловьев Сергей	(25)
Соханевич Олег	(23, 24)
Степун Федор	(25)
Столофф Франсуаза	(6)
Стукас Вацлав Адамович	(18, 20, 22)
Тарасов Владимир	(25, 26)
Тер Кирилл	(23)
Тетерин Сергей	(19)
Титов Владимир	(24)
Титов Юрий	(15, 28)
Тиханов Сергей	(31)
Тозик Андрей	(27)
Толстый	(21, 25)
трамп зна	(Стетоскоп-Forever)
Удовкин Александр	(3)
Удоменщик А.	(2, 4, 8, 10-13)
Фенев П.	(2, 13, 28)
Хвостенко Алексей	(12, 13, 21)
Хиггинс Дик	(17)
Чалаев Камиль	(15, 17, 20, 27, 28, 34)
Черникова Лариса	(23)
Честны Тибор	(7)
Чу-жой	(15, 16, 26, 28)
Чукаев Александр	(22, 26, 28)
Чури Крейг	(13)
Шадуро А.	(11)
Шаламова Елена	(20)
Шаталов Сергей	(31)
Шаршун Сергей	(13)
Шнеер Арон	(29)
Штейнберг Эдуард	(24)
Элементарных Владимир	(8, 10, 13, 14)

Кодекс прав и свобод требует опустить планку трансцендентальной снисходительности и отказаться от априорного недоверия к автобиографическому поиску.

*А. Секацкий «Подмена воспоминаний»
(«Ступени» №2, 1994)*

стр.
59

«чужая жизнь»

стетоскоп 33/34-2002

В библиотеке «±Стетоскопа»

вышли в свет следующие книги:

- Михаил Король.
INVALIDES. Стихи. — 48 с.
- Алексей Смирнов.
Ядерный Вий. Рассказы. — 120 с.
- Кароль К.
Verba et voces. Стихи. — 74 с.
- Антон Козлов.
MUNAS. Стихи. — 36 с.
- Михаил Богатырев.
Без права переписки. — 68 с.
- Анатолий Ливри.
Выздоровливающий. — 40 с.
- Из серии «Антология несуществующих произведений»:*
- Митрич.
Размышления о беличьей кисти. — 36 с.
- Михаил Богатырев.
Шлагбаум. — 40 с.

Готовятся к печати:

- Митрич.
Книги о художниках.
(Серия из трех книг: «А», «Ы», «Ъ»)

Книги можно заказать в редакции журнала.

Спешите!!!

Помните, что книга — лучший подарок!

Над номером работали:

Ольга Платонова, steto@club-internet.fr
Александр Елсуков, stetoskop@mail.ru

Для писем:

Platonova Olga, 37 rue Simart, 75018 Paris

Телефон в Париже: 01 42 59 07 40

Телефон в Санкт-Петербурге: 437 33 83

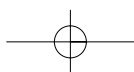
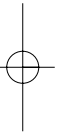
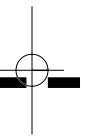
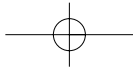
ISSN 1295-4918

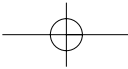
Часть тиража оформляется
как раритетное издание

Электронная версия журнала:

<http://stetoskop.da.ru>

**Издатели: Митрич+БогатыРь
Париж 2002**

издатели: Митрич+Богатырь. Париж, 2002

